

ЭЛЬ КРАВЕН

The background of the poster is a dark, high-tech forensic laboratory. In the center, a man with a beard and short dark hair, wearing a white lab coat over dark scrubs, looks directly at the camera with a serious expression. He is wearing a black glove on his right hand and holding a small, circular, metallic forensic object. To his right, a translucent, digital profile of his face is visible, suggesting a connection to technology or digital evidence. In the background, there are blurred city lights through a window, a table covered with a white sheet, and various digital interface elements like graphs and data points. A digital clock in the upper left shows '01:30'.

01:30

СУДМЕДЭКСПЕРТ
ПО ОСОБЫМ
СЛУЧАЯМ

Эль Кравен

Судмедэксперт по особым случаям

<https://litres.ru/74319063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мёртвые не разговаривают. Обычно.

Я — Павел Громов, сорокадвухлетний судмедэксперт с испорченной карьерой, взрослой дочерью и скверной привычкой не подписывать удобные заключения. После вскрытия неизвестного из частной клиники над телом появляется невозможная надпись:

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОСТУПНА. 01:30.

Теперь я вижу последние девяносто секунд убитых и могу заимствовать их навыки. Чужая меткость, чужая память, чужая чуйка — всё это помогает раскрывать убийства, которые влиятельные люди уже оформили как несчастные случаи. Только каждый «заём» оставляет во мне часть покойного.

Чтобы добраться до тех, кто научился красть способности мёртвых, мне придётся снова стать лучшим в своём деле. И вовремя вспомнить, где заканчиваются они и начинаюсь я.

Городской фантастический детектив с Системой, профессиональными расследованиями, взрослым героем, чёрным юмором и без гарема. Законченный одностомник.

Содержание

Глава 1. Тело без причины	5
Глава 2. Девяносто секунд	31
Глава 3. Незаконное вскрытие	58
Глава 4. Свидетель номер ноль	96
Глава 5. Живой покойник	125
Глава 6. Цена заимствования	154
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Эль Кравен

Судмедэксперт по особым случаям

Глава 1. Тело без причины

У мёртвого не было причины умирать. Само по себе это ещё не чудо: причина есть всегда, просто иной раз прячется в крови, в тканях или в чужом аккуратно составленном рапорте. Но этот мужчина лежит на каталке уже сорок минут, и чем дольше я на него смотрю, тем сильнее мне не нравится его спокойное, совершенно здоровое лицо.

— Может, всё-таки начнём? — спрашивает Макс.

Он стоит у раковины, натягивает вторую пару перчаток и старается не коситься на часы. Старается плохо. До полуночи ещё далеко, но у нормальных людей уже заканчивается день, у нас заканчивается только терпение. За стеной гудит вытяжка, в старом холодильном блоке что-то постукивает с размеренностью соседа, который пришёл сверлить стену и намерен делать это до Страшного суда.

— Мы уже начали, — отвечаю я.

— Павел Алексеевич, вы сорок минут на него смотрите.

— И за эти сорок минут не испортил ни одной улики.

Учись работать быстро.

Макс фыркает, поправляет очки тыльной стороной запястья и снова смотрит на покойного. Парню двадцать семь, он второй год в бюро и всё ещё считает, что настоящее вскрытие начинается с первого движения скальпеля. Большинство начинающих так считает. Потом одни набираются ума, другие — стажа, третьи уходят в частные лаборатории, где трупы встречаются реже, а слово «дедлайн» не означает время, когда тело обнаружили.

На дверях секционной висит листок: «СТОЛ № 4. НОЧНАЯ СМЕНА». Бумага новая, скотч старый. Год назад здесь была табличка с моей фамилией и должностью заведующего отделением. Потом фамилия осталась, а должность исчезла. Ещё через месяц исчезла и фамилия. Бумагу повесили, чтобы никто не перепутал четвёртый стол с остальными тремя. Видимо, без неё высок был риск, что стол уйдёт домой пораньше.

Я снимаю с края лотка сопроводительный лист. На бумаге отпечатался влажный большой палец, поверх него размашисто расписался дежурный следователь. Полезная часть двух абзацев уместается в одной строчке: «обнаружен без сознания в служебном коридоре». Дальше всё привычно — скорая, реанимация, смерть в восемнадцать сорок две. Привезли мужчину из частной клиники нейрореабилитации «Мнемос». Документов нет, в журнал посетителей не вписан, среди пациентов и сотрудников не числится. Последнее под-

тверждает справка без фамилии составителя, зато с круглой синей печатью. Если печать поставить уверенно, даже пустота начинает выглядеть официально.

— Что охрана? — спрашиваю я.

Макс вытаскивает нужную распечатку не сразу. Я уже дважды гонял его по материалам, поэтому страницу не подсказываю. Он находит лист, стучает по нему ногтем и смотрит на меня так, будто я лично вывел из строя все камеры в городе.

— Провал на одиннадцать минут. До него коридор пустой. Картинка возвращается — он уже лежит у технической двери. Охранник говорит, что ничего не выключалось. Медсестра нашла его в восемнадцать тридцать одну, позвала своих. Одиннадцать минут работали на месте.

— Следы рвоты, шприцы, упаковки?

— Ничего. Но в постановлении предварительно указано отравление неизвестным веществом.

— Разумеется, неизвестным. Известное пришлось бы искать.

Макс криво усмехается и тут же прячет усмешку. Дверь секционной открывается без стука. Виктор Петрович Лунёв придерживает её локтем: в правой руке пластиковый стаканчик. На сером пиджаке мокрое пятно; начальник прикрывает его ладонью. Узел галстука спущен всего на палец. Больше Виктор Петрович себе уставать не разрешает. Из стаканчика пахнет жжёным пластиком: автомат опять приготовил

не кофе, а дисциплинарное взыскание для желудка.

— Не начинайте без меня, — говорит он и сразу замечает подготовленный инструмент. — А, не начали. Отлично.

— Мы уже начали, — одновременно со мной произносит Макс.

Лунёв переводит взгляд с него на меня. Макс немедленно находит чрезвычайно важное дело в сопроводительном листе.

— Павел Алексеевич, — начальник делает глоток и морщится, — случай, вероятнее всего, токсикологический. Клиника известная, люди серьёзные. Утром нужен предварительный результат без...

Он замолкает, подбирая слово. Я помогаю:

— Без вскрытия?

— Без самодеятельности.

— В морге довольно трудно отличить одно от другого. Особенно со стороны.

— Не надо, Паша.

Когда он называет меня Пашей, дело пахнет либо водкой, либо неприятностями. Водки нет. Я кладу сопроводительный лист на край стола и поворачиваюсь к нему.

— Что конкретно от меня хотят?

— От тебя хотят выполнить исследование и не пытаться снова спасти мир. Определишь отравление — возьмёшь материал, утром токсикологи продолжают. Не определишь — так и напишешь. Но не надо звонить в Следственный комитет,

собирать комиссию и рассказывать первому встречному, что тебя заставляют фальсифицировать заключение.

Макс перестаёт шелестеть бумагой. Получается слишком тихо: только вытяжка, холодильник и еле слышное дребезжание стаканчика в руке Лунёва.

— Меня не заставляли фальсифицировать заключение, — говорю я. — Меня просили заменить один вывод другим. Вежливо, три раза и с приложением проекта приказа о моём увольнении.

— Год прошёл.

— Поэтому я почти не сержусь.

Лунёв закрывает глаза и двумя пальцами трёт переносицу. Он постарел за этот год сильнее меня, хотя ночные смены почему-то достались мне. Впрочем, начальники вообще умеют страдать так, чтобы последствия доставались подчинённым.

— Клиника принадлежит не последнему человеку в городе, — произносит он уже тише. — У них завтра заседание попечительского совета. Там будет заместитель губернатора. Если в служебном коридоре умер наркоман, это одно. Если сотрудник клиники, которого они почему-то не признают, — другое. Мы сейчас не знаем, кто он. Поэтому работаем аккуратно.

— Я всегда работаю аккуратно.

— Ты работаешь так, будто каждое тело оставило тебе личное завещание.

Я смотрю на мужчину на столе. Волосы короткие, тёмные. Лицо худое, без щетины. В уголке рта засохла тонкая полоска слюны, но следов рвоты нет. Ладони открыты, пальцы слегка согнуты. На вид тридцать — тридцать пять. Можно было жить ещё лет сорок, раздражать близких, не платить вовремя за квартиру и ругаться с врачами. Теперь ему всё равно, кто заседает в попечительском совете.

— Мёртвые редко выбирают удобное время, — говорю я.

Лунёв ставит недопитый кофе на подоконник.

— Предварительный результат к семи. Сначала позвони мне. Не Даниловой, не дежурному следователю, не журналистам, не своему знакомому прокурору. Мне.

— Знакомый прокурор со мной больше не разговаривает.

— Вот и не давай остальным повода последовать его примеру.

Он уходит, прикрыв дверь мягко и почти бесшумно. Макс ждёт несколько секунд, потом поворачивается ко мне:

— А журналистам вы правда звонили?

— Нет.

— А почему Виктор Петрович...

— Потому что, Максим, хороший руководитель обязан заранее запретить подчинённому всё, что сам бы сделал на его месте.

Телефон в кармане коротко вибрирует. На экране сообщение от Нади: «Ты обещал позвонить после девяти. У тебя всё нормально?» Под ним вчерашнее, оставшееся без отве-

та: «Пап, в субботу точно придёшь?» Я провожу большим пальцем по экрану, не открывая переписку, и убираю телефон обратно.

— Теперь начнём, — говорю я.

Макс включает диктофон.

Одежда на неизвестном дешёвая, но чистая: тёмные брюки, серо-синяя рубашка, чёрные кроссовки без ярких вставок. Ремня нет, шнурки на месте. Карманы опечатаны ещё при осмотре в клинике; внутри только сложенная бумажная салфетка, жетон из гардероба с цифрой сорок семь и две монеты. Ни телефона, ни ключей, ни банковской карты. Бирки на рубашке и брюках срезаны аккуратно, почти у самого шва. На кроссовках серийный номер стёрт чем-то грубым.

— Бездомный? — предполагает Макс.

— С таким маникюром?

Он наклоняется к руке покойного. Ногти коротко подстрижены, заусенцев нет, под ногтевыми пластинами чисто. На указательном и среднем пальцах правой руки — старые уплотнения, на ладони ближе к большому пальцу широкая мозоль. Не рабочий инструмент, не штанга. Что-то с узким ремнём или жёсткой ручкой, что человек таскал часто и подолгу. Левое запястье светлее остальной кожи: часы сняли недавно. На коже остался чёткий след прямоугольного кор-

пуса.

— Украли вещи после смерти, — говорит Макс.

— Тогда зачем оставили обувь?

— Не подошёл размер.

— А бирки с одежды вор срезал из эстетических соображений.

Макс поджигает губы. Он не любит, когда я отвечаю вопросом на вопрос. Никто не любит. В университете меня за это называли душнилой, на работе — Павлом Алексеевичем.

Я начинаю наружный осмотр, диктуя размеренно, без спешки. Рост — сто восемьдесят один. Телосложение правильное, питание удовлетворительное. Выраженных повреждений нет. Трупные пятна располагаются на задней поверхности тела, при надавливании почти не меняются; положение после смерти, судя по всему, не меняли. Окоченение выражено обычно. Температура кожи соответствует времени, указанному в документах, насколько вообще можно доверять времени обнаружения в коридоре с неработавшей камерой.

На правом колене старый светлый рубец, на левом предплечье — едва заметные параллельные царапины недельной давности. Под ключицей маленькое круглое пятно от медицинского электрода. Таких несколько: следы реанимации. На груди остатки контактного геля. Рёбра целы, повреждений от непрямого массажа сердца я на ощупь не нахожу, хотя это ни о чём не говорит.

— Зрачки широкие, — замечает Макс.

— И?

— Стимуляторы. Может, синтетика.

— Может. А может, препараты при реанимации. А может, индивидуальная реакция. Не влюбляйся в первую версию, она потом потребует алименты.

Он хмыкает и записывает что-то в блокнот. У Макса есть планшет, служебный компьютер и привычка всё равно вести бумажные заметки мелким, совершенно нечитаемым почерком. Говорит, так лучше думается. Я подозреваю, что он просто заранее готовится стать старым специалистом с легендарной записной книжкой, которую после смерти никто не расшифрует.

Я осматриваю слизистую рта. Химических ожогов нет, характерного запаха тоже. В уголках губ — мелкие кровоизлияния, но они могли появиться при интубации. На языке нет свежего прикуса. В носовых ходах чисто.

— Следов инъекций не вижу, — диктую я. — Осматриваем волосистую часть головы, межпальцевые промежутки, паховые области.

— Всё сразу в протокол?

— Всё, что проверили. Иначе через месяц кто-нибудь спросит, почему мы не посмотрели между пальцами ног, а ты будешь доказывать, что смотрел, просто постеснялся написать.

Мы переворачиваем тело. На затылке повреждений нет.

За правым ухом кожа чуть краснее, чем слева, — маленькое пятно, будто от давления круглым тупым предметом. Я провожу по нему пальцем в перчатке. Кожа целая. Подкожного уплотнения не чувствуется.

— Электрод? — спрашивает Макс.

— Здесь?

— В «Мнемосе» мозгами занимаются. Может, у них свои развлечения.

— Сфотографируй крупно и с масштабной линейкой.

Вспышка выхватывает бледную кожу и тёмные волосы. На экране пятно выглядит ещё безобиднее, почти случайным. Обычно на таком и заканчивают: отмечают в протоколе и идут дальше. Я бы тоже пошёл, если бы рядом лежал паспорт, камера честно показала падение, а внутри тела нашлось хоть что-нибудь вмятое. Но сегодня вся работа состоит из отсутствующих вещей, и это уже начинает злить.

Макс заканчивает серию снимков и отступает.

— Вы думаете, его убили?

— Я думаю, что он умер.

— Очень смелая версия.

— Когда появятся основания, будет следующая.

Я меняю перчатки. Первый разрез всегда действует на новичков одинаково: даже если они видели сотню фотографий, человеческое тело вдруг перестаёт быть человеком и становится задачей, которую надо решать руками. Макс давно не бледнеет, не отворачивается и не задерживает дыхание.

Только шутит меньше.

Внутренние ткани без выраженных кровоизлияний. Я работаю привычно, диктую находки и всё сильнее раздражаюсь. Не на покойного — он как раз ничего не усложняет намеренно. На ожидаемую картину, которая упорно не появляется.

При тяжёлом отравлении я рассчитывал увидеть хотя бы последствия: отёк, резкое полнокровие, необычное состояние внутренних органов, содержимое желудка, запах, что-нибудь. Лёгкие не дают мне удобного ответа. Сердце обычного размера, без свежих повреждений; крупные сосуды не объясняют внезапную смерть. Коронарные артерии для его возраста выглядят слишком хорошо, чтобы свалить всё на них. В головном мозге нет кровоизлияния, способного поставить точку. Желудок почти пуст.

— Может, редкое нарушение ритма? — спрашивает Макс, когда я в третий раз возвращаюсь к сердцу.

— Может.

— Его же после смерти не поймаешь.

— Не поймаешь. Но прежде чем прятаться за аритмией, надо исключить то, что можно поймать.

Я беру материал для токсикологии и гистологии, проговаривая каждую ёмкость. Макс маркирует их, сверяет номера вслух. Наша работа иногда похожа на скучный ритуал, придуманный людьми, которые боялись не потустороннего, а перепутанной наклейки. И правильно боялись. Потустороннее

в суде хотя бы не потребует повторной экспертизы.

Телефон на столике снова вибрирует. На этот раз звонок. На экране высвечивается «Лунёв В. П.». Я включаю громкую связь, не снимая перчаток.

— Да.

— Ну?

— Если вы спрашиваете, жив ли пациент, новости плохие.

— Паша.

— Причина смерти пока не установлена. Грубых травматических изменений нет. Признаков, которые позволили бы сейчас уверенно говорить о передозировке, тоже.

Несколько секунд начальник молчит. На фоне слышится музыка — кажется, он уже в машине.

— Формулировку «тоже» в предварительное не ставь.

— Почему?

— Потому что она подразумевает, что ты искал что-то ещё.

— Я и искал. Это называется исследование.

— Возьми расширенную токсикологию. Утром созвонимся.

— Мы ещё не закончили.

— Вот и заканчивайте. И Павел... — голос у него становится глуше, будто он прикрывает микрофон ладонью. — Не выдумывай загадку там, где человек мог просто принять новую дрянь. Год назад тебе мало было?

Я смотрю на открытое тело. Год назад на моём столе ле-

жал двадцатитрёхлетний сын человека, который умел звонить куда надо. Следы на шее тогда тоже предлагали считать несущественными. Убедительно предлагали, с совещанием, комиссией и готовым объяснением, почему я неправильно понимаю собственную профессию. Я не согласился. Но доказать убийство не сумел, потому что часть материалов исчезла раньше, чем я поднял шум. Получилось хуже всего: я сохранил совесть, потерял должность и оставил мёртвого без ответа.

— Мне было достаточно, — говорю я и завершаю вызов.

Макс не смотрит на меня. Он уносит подписанные ёмкости в холодильник, закрывает дверцу и только тогда производит:

— Я читал то заключение.

— Зачем?

— Хотел понять, за что вас сняли.

— И понял?

— Нет. Там всё осторожно. Никаких обвинений, только несоответствия.

— За осторожные несоответствия иногда бьют сильнее, чем за прямые обвинения. Прямое обвинение можно объявить истерикой. Несоответствие приходится объяснять.

Макс кивает и возвращается к столу. Я замечаю, что он сменил перчатки, хотя мог бы этого не делать. Молодец. Хоть кто-то сегодня не пытается сэкономить на порядке действий.

Мы продолжаем. Через двадцать минут у меня есть пол-

ный набор отрицательных ответов и ни одного положительного. Это не значит, что перед нами идеальное тело. Идеальных не бывает. Есть мелкие старые изменения, следы обычной жизни, невылеченный зуб, застарелое воспаление, которое могло бы беспокоить его зимой. Ничего, от чего мужчина падает в коридоре и умирает за одиннадцать минут.

Я выпрямляюсь. Поясница отзывается тянущей болью. В двадцать два я мог стоять над столом шесть часов и потом ехать пить пиво. В сорок два после двух часов работы хочется найти автора человеческой анатомии и обсудить с ним высоту секционных столов.

— Перерыв? — предлагает Макс.

— Вернусь к следу за ухом.

— Вы уже закончили.

— Я закончил стандартный осмотр.

Он понимает раньше, чем я успеваю объяснить. Берёт камеру и переставляет лампу. Я снова смотрю на пятно за правым ухом. Никакой раны. Никакого прокола. Но почему-то именно здесь кожа холоднее. Не вообще холодная — всё тело давно теряет тепло. Подушечка моего пальца ощущает разницу, которой не должно быть: маленький кружок ледяной кожи посреди просто прохладной.

— Дай термометр.

Макс протягивает прибор. Измерение ничего не показывает. Поверхность одинакова. Я проверяю ещё раз, уже другим пальцем. Холод остаётся.

— Что? — спрашивает он.

— Пока ничего.

— У вас лицо не «пока ничего».

— А какое?

— «Сейчас кто-нибудь останется без должности».

— Эта стадия у нас пройдена.

Я наклоняюсь ближе. Свет секционной лампы падает сбоку, подчёркивает край ушной раковины, тонкие сосуды под кожей, несколько коротких волосков. Красное пятно вдруг кажется не круглым, а вытянутым, словно под кожей лежит очень тонкая нить. Я меняю угол лампы. Нить исчезает.

И в этот момент покойник открывает глаза.

Не дёргается, не судорожно приподнимает веки — просто смотрит на меня. Радужки серые, зрачки расширены. Взгляд осмысленный и до такой степени живой, что я отшатываюсь, цепляю бедром лоток и слышу, как металл с грохотом летит на плитку.

— Павел Алексеевич!

Макс хватается меня за локоть. Я вырываю руку и снова смотрю на лицо.

Глаза закрыты.

— Ты видел?

— Что?

— Он открыл глаза.

Макс переводит взгляд на покойного, потом на меня. В его лице появляется осторожность, с которой люди разговари-

ют с больным родственником и вооружённым незнакомцем.

— Веки могли разойтись, когда вы сдвинули голову.

— Он посмотрел на меня.

— Павел Алексеевич...

— Я знаю, как выглядят посмертные изменения век.

— Я ничего не говорю.

— Ты всё сказал лицом.

Я упираюсь ладонью в край стола. Пульс частый, но ровный. Правая рука слушается, левая тоже. Лицо не немеет, речь не плывёт. Если это сосудистый приступ, он выбрал удивительно театральный симптом.

Над телом появляется текст.

Сначала я принимаю его за отражение на защитном экране лампы. Несколько тонких белых строк висят в воздухе, не отбрасывая тени. Я моргаю. Строки остаются. Закрываю левый глаз, потом правый — остаются. Поворачиваю голову; они смещаются вместе с покойным, будто привязаны к его груди.

ОБЪЕКТ: МУЖЧИНА, ЛИЧНОСТЬ НЕ УСТАНОВЛЕНА.

ПОСМЕРТНЫЙ ИНТЕРВАЛ: 04:18.

ФИЗИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА СМЕРТИ: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА.

ПОВРЕЖДЕНИЕ ЭХА: 73%.

Я читаю дважды. Потом ещё раз, потому что надпись не исчезает, а слово «эхо» совершенно не относится ни к одно-

му прибору в секционной.

— Макс, — говорю я медленно. — Что ты видишь над телом?

Он смотрит туда, куда я показываю.

— Лампу.

— Между лампой и грудью.

— Воздух. Павел Алексеевич, сядьте.

Я не сажусь. Белые строки тускнеют, вместо них возникает новая:

ПЕРВИЧНОЕ СОВПАДЕНИЕ ВЫПОЛНЕНО.

ЭКСТРЕННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОСТУПНА:

00:01:30.

Ни кнопки, ни вопроса. Только время. Последние две цифры начинают уменьшаться.

00:01:29.

Мёртвый снова открывает глаза.

На этот раз я успеваю увидеть, как серые радужки поворачиваются к моей руке. Его пальцы остаются неподвижными, грудь не поднимается. Взгляд опускается на мою ладонь, лежащую возле пятна за ухом, и задерживается там, словно он просит дотронуться.

Это галлюцинация. Усталость, стресс, поздний кофе, старая обида, которая научилась показывать субтитры. Любое объяснение годится лучше того, что я вижу.

Но трупы не просят дважды.

Я касаюсь холодного пятна.

Я бегу.

Не я — тело моложе моего, легче килограммов на пятнадцать и гораздо лучше знает, как ставить стопу. Но воздух рвёт мои лёгкие, сердце колотится у меня под рёбрами, а правая ладонь сжимает пластиковую карту с такой силой, что край режет кожу. Впереди узкий коридор, белая стена, серый линолеум. На двери табличка «ТЕХНИЧЕСКОЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН».

Где-то позади мягко закрывается дверь.

— Денис, — женский голос цепляет меня между лопаток.

— Не усложняй.

Имя толкает сильнее: Денис. Так зовут тело, в которое меня заперло. Или меня самого — разбираться некогда. Ноги уже знают, где линолеум вздулся и возле какой стены придётся проскочить боком. В конце коридора лестница. Над поворотом висит камера, её красный огонёк не горит. Хорошо. Нет, плохо: Денис заранее знал, что камера будет выключена.

Часы бьют костяшкой о левое запястье. На дисплее 18:29.

Карта стучается о считыватель. Писк, красный свет. Я прикладываю её снова и сдираю ребром пластика кожу с большого пальца. Опять красный.

— Через лестницу не выйдешь, — сообщает за спиной старик. Женщина исчезла; теперь за мной идёт кто-то сип-

лый и раздражённый. — Отдай носитель.

Оглядываясь Денис боится не потому, что увидит лицо. Потому что потеряет секунду. Он врезается плечом в соседнюю дверь; та поддаётся неожиданно легко, и нас заносит в тёмную лабораторию. Я едва не падаю на стол, успеваю развернуться и захлопнуть дверь. Фиксатор входит в паз. Руки продолжают работать, пока голова только пытается понять, что мы заперлись в комнате без выхода.

Карта уходит под низкий шкаф. Денис вынимает из внутреннего кармана маленький чёрный накопитель — такой можно проглотить — и на секунду действительно думает об этом. Нет, не успеет. Окно не открывается, винты на вентиляционной решётке блестят свежими гранями. На столах разбросаны провода, контейнеры и прозрачные капсулы величиной с фалангу пальца. В каждой застыла тонкая чёрная нить.

Дверная ручка медленно опускается.

Денис прячет накопитель в сложенную бумажную салфетку и засовывает в карман. Нет, не прячет — передумывает. Снова достаёт, сжимает, оглядывается на стену.

Там висят фотографии.

Сначала я вижу десятки незнакомых лиц, снятых на улицах, в машинах, у подъездов. Под каждым имя, возраст и короткая пометка. «Моторная память». «Речь». «Тонкая координация». «Устойчивость». Лица соединены красными линиями с распечаткой человеческого мозга.

В центре — моя фотография.

Я выхожу из здания бюро, несу пакет с продуктами и шуюсь от солнца. Снимок сделан недавно: на мне рубашка, которую Надя подарила в июне, ещё до нашей последней ссоры. Под фотографией напечатано:

ГРОМОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ.

РАЗДЕЛИТЕЛЬ. ВЕРОЯТНОСТЬ СОВМЕСТИ-
МОСТИ — 0,82.

У двери сухо щёлкает металл. Фиксатор поворачивается сам.

Входит мужчина лет тридцати пяти. Высокий, коротко стриженный, в тёмном костюме без галстука. Лицо обычное, запоминается плохо. Зато тело ведёт себя неправильно. Первый шаг он делает мягко, с носка, как танцор. Второй — тяжело, перенося вес вперёд, будто готовится ударить. Правую руку держит неподвижно и точно, по-хирургически, а левая едва заметно дрожит.

— Отдай, — просит он голосом маленькой девочки.

Денис пятится к столу.

— Они согласились после смерти.

— Согласились отдать полезное. Дата — техническая деталь.

Последние слова мужчина произносит уже своим голосом — спокойным, чуть усталым. Потом улыбается чужой улыбкой, слишком широкой для его лица.

Денис бросает в него стеклянный контейнер и срывается

вправо. Я заранее знаю, куда он прыгнет, где поставит ладонь и как перенесёт вес через стол. Тело движется красиво, почти без лишнего звука. Мужчина уходит от контейнера раньше, чем тот вылетает из руки. Не угадывает — словно вспоминает уже случившийся бросок.

Удар приходится Денису под рёбра. Воздух вылетает из лёгких. Мы падаем на край стола, ладонь скользит по металлу. Накопитель остаётся в кармане, но салфетка и гардеробный жетон высыпаются на пол.

— Не трогай Имя, — выдыхает Денис. Последнее слово он выталкивает отдельно, и мужчина дёргается. Не от неожиданности — от узнавания. На секунду в его взгляде проступает кто-то растерянный, почти виноватый. Левая рука сама лезет к горлу.

— Беги, — шепчет он, и Денис уже переносит вес на правую ногу.

Не успевает. Чужая растерянность гаснет без перехода. Правой рукой мужчина хватает его за волосы, притягивает к себе и прижимает к коже за ухом холодный металлический кружок.

Я жду боли, но вместо неё ломается порядок. Лаборатория остаётся перед глазами вся: столы, капсулы, моя фотография. Только предметы перестают цепляться один за другой. Денис видит женщину за кухонным столом и знает, что эта улыбка должна что-то с ним делать. Не делает. Где-то есть мальчик с велосипедом и вечно разбитыми коленями;

Денис помнит, как держал его за седло, пока тот учился ехать, но имя мальчика не находится. Это не похоже на обычное забывание. Так в плохо подшитой экспертизе вылетают скобы: листы целы, а дело уже рассыпалось.

Через холодный кружок из него тянут навыки и маршруты. Коридоры, крыши, лестницы — всё, что ноги знали без головы, — уходит рывками. На краю зрения ползёт тонкая чёрная нить. Денис не может удержать дом, женщину, даже собственный возраст. Тогда хватается за то, что висит перед глазами, — за мою фотографию и подпись под ней.

Павел Громов.

Он повторяет имя молча, сбивается и начинает заново. Не потому, что знает меня. Просто это последнее, до чего чужая рука ещё не добралась.

Павел Громов. Павел Громов. Павел...

Сердце останавливается не от яда и не от удара. Оно просто забывает следующий толчок.

Темнота приходит сразу.

Я возвращаюсь стоя, но ноги об этом не знают. Колени подламываются, Макс успевает подхватить меня под мышки, и мы вдвоём едва не опрокидываем стол. В секционной снова гудит вытяжка. Инструменты лежат на полу. Глаза покойного закрыты.

— Сядьте! — Макс тащит меня к табурету. — Да сядьте же, чёрт вас возьми!

Я позволяю усадить себя. Во рту металлический вкус, рубашка под халатом прилипла к спине. Пальцы правой руки сжаты, будто всё ещё держат пластиковую карту. Разжимаю их по одному. На ладони нет пореза, хотя я помню его слишком отчётливо.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Что сколько?

— Времени прошло.

Макс смотрит на настенные часы.

— Полторы минуты. Может, чуть больше. Вы стояли и не отвечали, потом начали что-то говорить.

— Что?

— Имя. Павел Громов. Несколько раз. Я хотел скорую вызывать.

— Почему не вызвал?

— Вы меня за рукав схватили и сказали: «Не отдавай им голову». — Он опускается передо мной на корточки и светит телефоном в глаза. — Зрачки одинаковые. Улыбнитесь.

— Не командуй.

— Улыбнитесь, Павел Алексеевич, или я сейчас вызову скорую и скажу, что у вас инсульт.

Я показываю зубы.

— Это не улыбка.

— Для ночной смены — вполне.

Он заставляет меня поднять обе руки, повторить фразу, коснуться пальцем носа. Я выполняю, потому что спорить дольше. Координация сохранена. Речь нормальная. Давление, когда Макс приносит аппарат, повышено, но не настолько, чтобы объяснить чужую смерть, прожитую от начала до конца.

Белый текст висит над телом.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗАВЕРШЕНА.

ЛИЧНОСТЬ: ДЕНИС. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ НЕДОСТАТОЧНО.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ПРИЧИНА СМЕРТИ: НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ ЭХА.

ТОЧНОСТЬ: 12%.

Я встаю. Пол слегка уходит вправо, но быстро возвращается на место. Подхожу к столу и смотрю за ухо Дениса. Красное пятно никуда не делось. Под обычным светом — ничего, кроме кожи. Стоит задержать взгляд, и в глубине появляется тончайшая чёрная линия. Теперь я точно знаю, что она там. Более того, знаю, как холодный круг прижимали к голове и как рука убийцы держала затылок.

— Позвоните врачу, — говорит Макс за спиной.

— Я врач.

— Тогда другому. Который занимается живыми.

— Через минуту.

— Вы сказали «Денис». Это он?

Я оборачиваюсь. Макс побледнел, но держится. Его

взгляд прыгает между мной и телом. Можно соврать: сказать, что имя пришло в голову из документов, мне стало плохо, а мозг дорисовал кошмар из усталости. Разумно, безопасно и именно то, что посоветовал бы Лунёв: не выдумывать загадку.

В кармане снова вибрирует телефон. Надя. Я обещал позвонить три часа назад, а теперь моё фото висит в чужой лаборатории под словом, которого я не понимаю.

— Возможно, — говорю я. — В документах имени нет. Пока запиши как неизвестного.

— Откуда тогда...

— Макс, дверь закрой.

Он не двигается.

— Зачем?

— Потому что этот мужчина умер не от передозировки. Потому что в клинике есть помещение, которого не должно быть, и человек, который меняет голоса. И потому что кто-то фотографировал меня у бюро.

Макс смотрит долго, почти оскорблённо. Потом подходит к двери, поворачивает замок и дёргает ручку, проверяя. Его пальцы дрожат. Мои — тоже, только не от страха. В них осталась чужая память о расстояниях: до двери четыре шага, до пожарного выхода двадцать семь, вентиляционное окно слишком узкое, зато за холодильным блоком есть технический проход. Я никогда там не ходил, но знаю, как поставить ногу, чтобы не задеть выступ трубы.

Над телом вспыхивает последняя строка. На этот раз текста всего две строки, и читаются они легче любого заключения, которое мне приходилось подписывать.

СВЯЗАННЫЙ ЖИВОЙ ОБЪЕКТ: ГРОМОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ.

СТАТУС: ЗАПЛАНИРОВАННОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

Я перечитываю сообщение, выключаю диктофон и кладу телефон экраном вниз. Звонить Лунёву рано, Даниловой — тем более. Сначала надо установить то, что я знаю точно: мёртвого звали Денисом, его убили в «Мнемосе», а до смерти он из последних сил удерживал в памяти моё имя. Всё остальное пока можно списать на приступ, переутомление или начинающееся безумие. Но дверь я всё равно проверяю лично — дважды, уже не понимая, моя это привычка или его.

Глава 2. Девяносто секунд

Первые десять минут после того, как Макс запирает дверь, я занимаюсь тем, чем положено заниматься при подозрении на нарушение мозгового кровообращения. Снова улыбаюсь по команде, поднимаю руки, произношу своё имя, дату рождения и адрес. Адрес вспоминается сразу. Уже хорошо. Макс записывает давление, потом суёт мне под мышку электронный термометр и не отходит, пока прибор не пищит.

— Тридцать пять и четыре, — читает он. — В секционной двадцать три. Вы сейчас или признаёте, что вам нужен врач, или я звоню без разрешения.

— Перемерь другим.

— Этот исправен.

— Тогда зачем у нас два?

Он смотрит на меня поверх очков. Я сижу на табурете, завернувшись в запасной халат, и понимаю, что спор проигрываю: зубы стучат слишком громко. Холод идёт не по коже, а будто из костей. Ладони бледные, ногти с синевой, зато голова работает ясно. Чересчур ясно. Стоит закрыть глаза, и передо мной оказывается тёмная лаборатория; я помню, как ребро пластиковой карты царапает палец Дениса, хотя мои пальцы этой карты никогда не держали.

— Через пятнадцать минут перемерим, — говорю я. — Если не поднимется, позвонишь.

— Кому?

— Кому-нибудь доброму и понимающему.

— То есть не Виктору Петровичу.

— Начинаешь разбираться в людях.

Макс приносит чай из нашей комнаты. Пакетик плавает в кружке рядом с алюминиевой ложкой, сахар на дне не размешан. Обычно за такое я отправляю его переделывать, но сейчас держу кружку обеими руками и жду, пока тепло хотя бы доберётся до пальцев. Он садится напротив, оставляя между нами стол с диктофоном, и перестаёт шутить. Сейчас именно он выглядит старшим.

— Рассказывайте, — говорит Макс.

— Ты слышал.

— Я слышал, что в клинике есть тайная комната и мужик с голосами. Ещё слышал про вашу фотографию. Этого маловато, чтобы понять, вы сошли с ума или нас обоих скоро начнут убивать.

— Одно другому не мешает.

— Павел Алексеевич.

Он произносит отчество без обычной насмешки. Я ставлю кружку, разворачиваю к себе чистый лист и пишу сверху время: 00:17. Ниже — «субъективное воспоминание после кратковременного нарушения сознания». Формулировка плохая, но другой нет. Если запись окажется в деле, адвокат быстро доберётся от неё до моей медицинской карты. Если не запишу сейчас, через час память подправит неудоб-

ные места, а через сутки я буду уверен в деталях, которых не видел.

— Девяносто секунд, — говорю я и включаю диктофон.
— Начало: коридор клиники. Время на часах погибшего — восемнадцать двадцать девять. Мужчина знает расположение помещений и неработающей камеры. У него пластиковая карта доступа и чёрный накопитель размером примерно три на полтора сантиметра. Карта не открывает техническую дверь. Он укрывается в помещении напротив. Предположительно лаборатория.

Макс поднимает руку, как студент на лекции.

— Вы сказали, карта порезала ладонь.

— Большой палец. И это ощущение, а не установленный факт. На теле свежего пореза я не отметил.

— Может, успел затянуться?

— За четыре часа? Нет. Значит, либо я запомнил чужую старую боль, либо часть увиденного неверна. Пиши рядом вопросительный знак.

Он действительно ставит знак в своём блокноте, крупнее обычного. Я продолжаю: описываю капсулы с чёрными нитями, фотографии на стене, подпись под собственным снимком. Слово «Разделитель» приходится повторить дважды — в первый раз голос подводит, и Макс делает вид, что поправляет очки. Затем я восстанавливаю мужчину в костюме: примерный рост, возраст, неравномерная моторика, четыре голоса, которые успел услышать Денис. Лицо описать не полу-

чается. Я помню расстояние между бровями, линию подбородка и небольшой шрам у виска, но стоит попытаться собрать это вместе, как черты расползаются. Отдельные детали есть, человека нет.

— Накопитель остался в кармане, — говорит Макс, когда я дохожу до удара.

— В реконструкции — да.

— А при наружном осмотре карман был пустой.

— Значит, его забрали после смерти. Тело лежало у другой двери, часов тоже не было, карту мы не нашли. Его перенесли и обыскали до приезда скорой или уже во время реанимации.

Макс проводит карандашом по нижней губе, замечает перчатки, ругается и выбрасывает карандаш в пакет для отходов.

— Медсестра? Охранник?

— Или человек, который меняет голоса. Пока у нас нет даже доказательства, что существует хоть один из них в том виде, в каком я это помню.

— Медсестра точно существует.

— Уже легче.

Я диктую до конца. О холодном круге за ухом говорю отдельно, стараясь не касаться собственной шеи. Потом выключаю запись и подписываю лист. Рука выводит фамилию чуть быстрее обычного; росчерк уходит вправо и вверх, как чужая попытка убежать с бумаги. Я перечёркиваю подпись

и ставлю новую.

— Это куда? — спрашивает Макс.

— Пока ко мне в сейф.

— А в официальный протокол?

— В официальный попадёт всё, что можно проверить. время, положение тела, результаты вскрытия, взятый материал. Голоса маленьких девочек судебной медицине пока не подведомственны.

— А имя?

Я смотрю на тело. Денис лежит под простынёй, лицо открыто. После того, что я пережил его глазами, называть его неизвестным почти неприлично, но экспертиза вообще держится на умении не путать уверенность с фактом.

— Имя не пишем, пока не подтвердят.

— Но вы уверены.

— Я ещё и в том мужике уверен. Попробуй объявить его в розыск по примете «лицо не запомнилось, разговаривает детским садом».

Макс забирает кружку и идёт за новой водой. Замок он проверяет перед выходом, хотя дверь только что открыл сам. Я замечаю это и ничего не говорю. Телефон лежит экраном вниз рядом с диктофоном. Когда я переворачиваю его, там ещё два пропущенных от Нади и короткое: «Если жив, поставь плюс». Отправить плюс проще, чем позвонить. Именно поэтому я нажимаю на её имя.

Она отвечает после первого гудка. На заднем плане звя-

кает посуду: Надя не спит, хотя утром у неё занятия.

— Ты издеваешься?

— Работаю, — говорю я.

— Это я поняла три часа назад. Ты жив?

— На текущий момент.

— Нормально ответить можешь?

Я собираюсь сказать «всё нормально», но зубы снова сводит мелкой дрожью. Надя слышит.

— Что у тебя с голосом?

— В морге холодно.

— Ты двадцать лет работаешь в морге. Раньше там было Бали?

Макс возвращается с чайником и замирает у двери. Я показываю ему кулак, чтобы не вмешивался. Он воспринимает жест по-своему и поднимает большой палец.

— Давление нормальное, — говорю я. — Координация сохранена. Температура немного ниже обычной.

— Насколько немного?

— Надя.

— Пап.

Это «пап» звучит не ласково. Так она называет меня, когда собирается либо спасти, либо добивать правдой. Иногда разница выясняется уже после.

— Тридцать пять и четыре, — сдаёт меня Макс от двери.

— Спасибо, Максим, — говорю я.

— Не за что, — отвечает он и уходит, прихватив чайник.

Надя молчит секунды три. Потом начинает спрашивать так, как их учат: была ли потеря сознания, не двоится ли в глазах, нет ли боли за грудиной, могу ли я пройти по прямой. Я отвечаю честно почти на всё. Про чужую смерть, проживую за полторы минуты, в учебной схеме вопроса не предусмотрено.

— В субботу ты придёшь? — спрашивает она, когда заканчивает допрос.

— Приду.

— Не говори сразу. Подумай.

Я смотрю на свою подпись, поставленную второй попыткой.

— Я приду, — повторяю уже без привычной спешки.

— Хорошо. И вызови врача. Не Макса, не своего начальника. Настоящего, который не вскрывает пациентов после осмотра.

— У меня узкая специализация.

— У тебя узкая голова. Позвони мне утром.

Она отключается первой. Я ещё несколько секунд держу телефон у уха, потом замечаю время. К половине второго у нас есть неизвестная причина смерти, неподтверждённый Денис, моё фото в чужой лаборатории и обещание дочери. Официально существует только первое, и спокойнее от этого ни черта не становится.

Ирина Данилова приходит в секционную без пальто, с перекинутым через руку пиджаком и папкой, набитой бумагами так плотно, будто ею собираются отбиваться. Волосы собраны на затылке, под глазами тень, на правом рукаве след от кофе. Она не здоровается, сначала смотрит на перевернутый лоток, потом на меня и только после — на тело.

— Кто здесь с кем подрался?

— Павел Алексеевич с кровообращением, — отвечает Макс из-за компьютера.

— Кровообращение проиграло, — говорю я.

Ирина кладёт пиджак на спинку стула и подходит ближе. Мы знакомы лет семь; примерно пять из них она считает меня полезным, но тяжёлым человеком. Данилова не любит загадок и экспертов, которые отвечают раньше вопроса. Сегодня получит и то и другое.

— Предварительное готово?

— Причина смерти не установлена. Грубая травма исключена. Материал на расширенную токсикологию и гистологию взят. Признаков, подтверждающих передозировку, нет.

Она задерживает взгляд на моих руках.

— Перчатки сними.

— Зачем?

— Посмотреть, дрожат они или ты всегда так держишь

лист.

Я кладу лист на стол. Ирина не повышает голос; ей это обычно не требуется. Макс, предчувствуя хорошую профессиональную ссору, перестаёт печатать, однако разворачиваться к нам не рискует.

— Мне стало плохо во время осмотра, — говорю я. — Давление повышено умеренно, очаговой симптоматики нет. Работа продолжена.

— Кто решил, что продолжена?

— Человек с наибольшим стажем в помещении.

— Макс, скорую вызывали?

— Я пытался.

— Он предлагал вызвать, — уточняю я.

Ирина раскрывает папку, находит постановление и кладёт его передо мной. Палец у неё останавливается на строке «предположительно отравление неизвестным веществом».

— Я эту версию не писала. Дежурный из районного отдела решил облегчить вам ночь. Мне облегчать не надо. Что не сходится?

Такой вопрос я люблю. Он не требует угадывать, чего хочет начальство, только перечислить то, что есть. Я рассказываю об отсутствии ожидаемых изменений, о срезанных бирках, снятых часах, красном пятне за ухом. Про холод под кожей не говорю: измерить его не удалось. Про нить — тем более.

— Тело перемещали? — спрашивает Ирина.

— После смерти положение не менялось достаточно долго, чтобы сформировались пятна. Но от места смерти до двери его перенесли, если рекон...

Я останавливаюсь на половине слова.

Данилова чуть наклоняет голову.

— Если что?

— Если камера действительно отключилась до того, как он там оказался.

— Камера показывает только коридор. Мы не знаем, где он умер.

— Напротив технической двери есть лаборатория.

Макс перестаёт изображать мебель. Ирина смотрит на него; он медленно возвращается к монитору.

— В материалах нет плана этажа, — говорит она. — Медсестра про лабораторию не упоминала. Охранник тоже.

— Частная клиника. Там много дверей.

— Но ты выбрал нужную.

Она ждёт. Я молчу и чувствую, как холод снова собирается в пальцах. Врать Ирине трудно не потому, что она распознаёт ложь по пульсу или движению глаз. Она просто не помогает собеседнику выбраться. Оставляет его наедине с первой плохой версией, и большинство людей заполняют тишину второй, ещё хуже.

— Когда мне стало плохо, я увидел коридор, — произношу я. — Изнутри. Как воспоминание.

— Чьё?

— Дениса.

Имя выходит раньше, чем я успеваю остановить язык. Данилова не меняется в лице. Только закрывает папку, хотя разговор явно не закончен.

— Кого?

— Покойного.

— В постановлении он неизвестный.

— Поэтому в заключении имени нет.

— Я спросила не про заключение.

Ирина подходит к столу, смотрит на лицо мужчины и обратно на меня. Никакой театральной настороженности, как у Макса. Скорее раздражение человека, который обнаружил в задаче лишнюю неизвестную.

— Ты его знал?

— Нет.

— Тебе звонили из клиники?

— Нет.

— Имя было в телефоне, на одежде, в татуировке?

— Нет.

— Тогда откуда «Денис»?

— Я только что ответил.

— Нет, Павел. Ты сообщил мне симптом. Объяснения я пока не слышала.

Она права, и это раздражает сильнее, чем если бы ошибалась. Я рассказываю о полутора минутах отсутствия реакции, о том, что видел помещение и мужчину. Фотографию

свою не упоминаю. Слова «система» и «эхо» тоже оставляю при себе. Даже урезанная версия звучит так, что Макс начинает усердно протирать уже чистую клавиатуру салфеткой.

— Галлюцинация после обморока, — говорит Ирина.

— Возможно.

— И ты ей веришь.

— Я её записал. Верить буду после проверки.

Телефон у неё в папке начинает вибрировать. Данилова достаёт его, слушает секунд двадцать, задаёт два коротких вопроса и просит прислать фотографию. Потом поворачивает экран ко мне. На снимке мужчина живой: та же форма ушей, узкое лицо, серые глаза. Он стоит у реки в ветровке и держит за руль детский велосипед. Фотография семейная, обрезана плохо; справа осталось плечо женщины.

— Денис Андреевич Кротов, тридцать пять лет, — говорит Ирина. — Жена подала заявление о пропаже сорок минут назад. Дежурный сопоставил фотографию с ориентировкой из клиники. Официальное опознание будет утром.

Макс роняет салфетку. Я смотрю на мальчишеский велосипед и вспоминаю колени, которые Денис не успел забыть до конца.

— Совпадение, — говорю я.

— Конечно. — Ирина убирает телефон. — А лабораторию мы тоже найдём случайно?

— Если дадут осмотреть здание.

— Дадут. Не сегодня, так после того, как я объясню судье,

почему эксперт знал имя трупa до опознания.

— Это не основание для обыска.

— Поэтому ты не напишешь об этом в официальном заключении. Передашь мне свою отдельную запись, а сам пойдёшь к неврологу. Сейчас.

— Запись останется в сейфе до проверки.

— Павел.

— Ирина.

Макс тихо отодвигается вместе со стулом. Данилова замечает движение, но не поворачивает головы.

— Хорошо, — говорит она. — Копия в запечатанном конверте. Время передачи фиксируем. Если твоя галлюцинация подтвердится ещё раз, будем думать, как с ней жить. Если не подтвердится — будешь думать ты и врач. Тело без моего письменного разрешения никому не выдавать. Даже если позвонят очень сверху.

— Уже звонили.

— Значит, позвонят ещё выше.

Она снова раскрывает папку и начинает читать мой черновик. На строке о пятне за ухом задерживается, просит фотографии и увеличивает одну на экране. Чёрной нити снимок не показывает. Там только краснота, волосы и световая шкала. Я стою рядом и впервые за ночь почти хочу, чтобы всё увиденное оказалось следствием усталости. Желание это живёт недолго: на фотографии Ирининогo телефона Денис держит велосипед именно левой рукой. Правой, с теми са-

мыми мозолями, он придерживает на плече узкую курьерскую сумку.

В половине третьего Лунёв возвращается в секционную не один. Впереди идёт женщина лет сорока пяти в светлом брючном костюме, не приспособленном для нашей лестницы, запахов и часа суток. Туфли тихие, дорогие. Следом топчется мужчина с кожаной папкой, сзади Лунёв несёт своё пальто на согнутой руке и выглядит так, будто оно во всём виновато.

— Павел Алексеевич, — начинает он ещё от двери, — здесь возникло недоразумение.

Ирина отрывается от протокола и молча переворачивает свой телефон экраном вниз. Женщина замечает её, едва ощутимо меняет шаг и теперь здоровается уже со всеми. Максиму достаётся такой же кивок, как следователю и заведующему. Это не вежливость, а профессиональная привычка: входя в незнакомое помещение, не угадывать заранее, кто потом окажется опаснее.

— Татьяна Викторовна Бурова, исполнительный директор центра «Мнемос». Приношу извинения за поздний визит. — Она говорит негромко, без запинок и любезной улыбки, которую люди её должности обычно надевают вместе с пальто. — С нами руководитель юридической службы Ан-

дрей Романович Левицкий. Насколько я понимаю, к вам доставили участника нашей медицинской программы.

— К нам доставили труп, — отвечает Ирина. — Имя установлено предварительно. Какая программа?

Левицкий раскрывает папку. Не торопясь, потому что торопиться должен тот, кому нужны бумаги. На верхнем листе я вижу логотип с тонкой серебряной спиралью, фамилию Кротов и штамп, поставленный поверх подписи. Часть текста закрыта прозрачным файлом и бликует под лампами.

— Программа длительного нейрореабилитационного наблюдения «Контур», — говорит он. — Денис Андреевич дал информированное согласие на забор и исследование биологических образцов, включая посмертный забор в расширенном объёме. Кроме того, соглашение предусматривает передачу тела в профильное учреждение для соблюдения специального температурного режима. У нас подготовлен транспорт.

Макс стоит у мойки с пустым контейнером в руке. При словах про специальный режим он переводит взгляд на дверь холодильной камеры, будто там уже ждёт курьер. Я снимаю перчатки, хотя новые надел меньше пяти минут назад, и бросаю их в бак.

— Посмертный забор мы проведём по постановлению следователя, — говорю я. — Тело останется здесь.

— Простите, вы ознакомились с договором? — спрашивает Бурова.

— Нет.

— Тогда ваш вывод преждевременен.

— Это не вывод. Тело поступило с признаками насильственной смерти, вскрытие начато, причина не установлена. Вы можете привезти хоть договор с подписью Господа Бога. До разрешения следователя Денис Кротов никуда не поедет.

Лунёв прикрывает глаза. В его кабинете за последние годы ругались заместитель министра, вдова прокурора и одна санитарка, которой забыли доплатить за туберкулёз, так что Господом Богом его не задеть. Его беспокоит слово «Денис». Бурова не спрашивает, откуда я знаю имя. Она подходит к столу, останавливается за красной линией на полу и смотрит на укрытое тело. Взгляд проходит по лицу, грудной клетке, рукам и на мгновение задерживается справа, возле уха. Не на разрезе и не на номерном браслете. Туда, где под волосами осталась краснота.

— Когда он умер? — спрашивает она.

Ирина отвечает раньше меня:

— Вопросы задаю я. Откуда у вас сведения, что поступивший к нам мужчина — Денис Кротов?

— Из клиники позвонили в нашу дежурную службу. Денис Андреевич не явился на контрольную процедуру, а затем нам сообщили, что погибшего из центра доставили в городское бюро.

— Кто сообщил?

— Мне понадобится уточнить.

— Уточните сейчас.

Бурова смотрит на неё с первой заметной эмоцией. Не испуг — раздражение человека, которого заставляют произнести вслух то, что обычно решают одним звонком. Она достаёт телефон, но Левицкий едва заметно качает головой. Получается хорошо: движение маленькое, а разговор прекращает надёжнее окрика.

— Майор Данилова, — говорит он, — мы готовы предоставить всю информацию по официальному запросу. Сейчас важнее предотвратить необратимую деградацию материала. Температура хранения должна быть не выше четырёх градусов. Каждая минута при комнатной температуре снижает ценность исследования.

— Он человек, — говорит Макс.

Все оборачиваются к нему. Макс кладёт контейнер на край мойки и тут же придерживает, чтобы тот не укатился. Шея у него краснеет пятнами, но глаза он не отводит.

— Был человеком, — поправляет Левицкий без всякой насмешки. — И согласился помочь другим после смерти.

— Он всё ещё объект судебно-медицинского исследования, — говорю я. — Это хуже звучит, зато хотя бы правда. Температура в камере плюс два и шесть. Никакой необратимой деградации за время, которое потребуется на ваши официальные запросы, не случится.

— Вы не знаете, какой именно материал подлежит сохранению.

— Так расскажите.

Левицкий закрывает папку. Бурова продолжает смотреть на тело, и мне не нравится, как спокойно она это делает. Родственники задерживают взгляд на лице или, наоборот, избегают его. Врачи следят за руками, кожей, дренажами. Она ждёт изменения, причём знает, где оно должно появиться.

Ирина поднимается со стула и подходит к красной линии. Ни папки, ни удостоверения в руках — только тонкая синяя резинка, которую она снимает с запястья и собирает ею волосы. Делает это не спеша, глядя на Бурову.

— Мне потребуется оригинал согласия, сведения о программе, журнал контрольных посещений Кротова и список сотрудников, имевших доступ к его данным за последние трое суток. До десяти утра.

— Такой объём невозможно подготовить за несколько часов.

— Тогда подготовите то, что возможно, и письменно перечислите остальное. А сейчас покиньте служебное помещение.

Лунёв наконец вмешивается. Он отводит меня к шкафу — всего на два шага, словно в секционной бывают разговоры, которые можно сделать приватными расстоянием в метр.

— Паша, у них договор с областью, — шепчет он. — Центр ведёт федеральную программу. Если следователь оставляет тело, пусть она и оформляет запрет. Ты зачем встал грудью на рельсы?

— Потому что поезд приехал за трупом раньше, чем жена успела заявить о пропаже.

— Клиника его искала.

— И сразу нашла у нас. Тебя это не беспокоит?

Он трет переносицу. Лунёв умеет выбить реактивы, помнит дни рождения санитарок и никогда не требует исправлять заключение прямым текстом. Он заранее видит удар и старается убрать людей с траектории. Иногда вместе с мебелью.

— Меня беспокоит, что в три часа ночи исполнительный директор частного центра стоит в моей секционной, а мой лучший эксперт, судя по лицу, умер ещё вчера, но не оформился. Ты вообще слышишь себя?

— Пока да.

— Чёрт с тобой. — Он поворачивается к Ирине. — Я фиксирую, что тело остаётся по вашему распоряжению. Письменное постановление будет?

— Через двадцать минут.

— Пришлите мне копию. И охрану предупредите, чтобы больше никого не водили сюда без звонка.

Бурова не спорит. Она забирает у юриста один лист, кладёт его на край стола за красной линией и прижимает визитной карточкой. На серебристой бумаге только имя, должность и номер без добавочного. Всё рассчитано на то, что звонить будут ей, а не в приёмную.

— Это копия согласия на экстренную передачу, — гово-

рит она. — В нём есть телефон круглосуточного координатора. Если температура в камере поднимется хотя бы на два градуса, вы обязаны нас известить.

— Мы вам ничего не обязаны, — отвечает Ирина.

— Тогда считайте просьбой. — Бурова переводит взгляд на меня. — Павел Алексеевич, некоторые посмертные изменения выглядят опаснее, чем являются. Не пытайтесь воздействовать на них самостоятельно.

В секционной становится тихо. Даже компрессор за стеной выбирает этот момент, чтобы закончить цикл.

— На какие именно изменения? — спрашиваю я.

Она уже отвернулась к двери. На полушаге задерживается, словно решает, стоит ли исправлять ошибку, и не исправляет.

— На любые, которых нет в стандартном руководстве.

Левицкий берёт её под локоть не для поддержки, а чтобы она всё-таки пошла. Лунёв выходит следом, обещая Ирине прислать ночного охранника. Дверь закрывается. Макс ждёт, пока шаги уйдут за поворот лестницы, затем подбирает визитку двумя пальцами и читает номер.

— Она видела ухо, — говорит он.

— Красное пятно могло быть заметно.

— Под волосами? От двери?

Ирина убирает копию согласия в прозрачный пакет. На первой странице восемь подписей Дениса, внизу — сегодняшняя дата, напечатанная мелким шрифтом рядом с гра-

фой о прекращении участия. Данилова фотографирует лист с обеих сторон, отдельно — штрихкод и подпись представителя центра.

— В следующий раз, когда начнёшь защищать корпоративных гостей, делай это убедительнее, — говорит она мне. — Сейчас я съезжу в управление, оформлю постановление и проверю, кто сообщил им о теле. Вы заканчиваете, закрываете Дениса в камере и оба ждёте здесь. Один никуда не ходит. Второй не падает в обморок.

— В каком порядке? — спрашивает Макс.

— Выберите сами. И, Павел, копию твоей записи я заберу, когда вернусь. Не потеряй её по дороге от стола до сейфа.

Она уходит почти сразу. У лестницы говорит с охранником, потом наружная дверь хлопает, и в коридор затягивает тёплый воздух с улицы. Пахнет пылью, бензином и влажной листвой. После секционной запах кажется почти домашним, хотя дома я сегодня уже не окажусь.

К четырём мы заканчиваем всё, что можно без лаборатории. Макс отвозит кассеты с тканями в закрытый бокс, я проверяю бирки, швы и журнал. На отдельном листе ставлю 03:51 и не называю вскрытие завершённым. Причина смерти остаётся пустой строкой; начальство от таких нервничает, зато мёртвым они вредят реже уверенных формулировок.

Дениса перекладываем на каталку и везём в холодильную. Я иду у головы. Возле правого уха никаких нитей больше не вижу, только подсохшее пятно и прядь волос, которую вода из душевой головки уложила поперёк виска. На пороге меня снова тянет свернуть налево, к выходу, хотя камера справа. Чужая память знает здание, в котором никогда не была, и ошибается в нём так уверенно, что я на секунду поворачиваю каталку не туда. Макс молча ставит колесо прямо. Видимо, решает не спрашивать.

Камера встречает нас белым светом и ровным гулом. На панели плюс два и семь. Мы ставим каталку на нижние направляющие второго шкафа; верхняя полка занята женщиной после пожара, третья пуста. Я проверяю номер ячейки, Макс — фиксатор. Обычная последовательность действий успокаивает лучше таблеток, потому что не требует верить ни телу, ни собственной голове.

— Чай, — говорит Макс, когда дверь шкафа закрыта. — Крепкий, сладкий и без твоих возражений. Если Данилова вернётся, скажем, что это лечебное мероприятие.

— Сначала камеры наблюдения. Бурова знала о доставке раньше жены. Посмотрим, кто заходил.

— Охрана даст доступ только Лунёву.

— Тогда разбудим Лунёва.

Мы доходим до секционной, когда гаснет индикатор над дверью холодильного блока. Сам свет не выключается. Лампы продолжают бить по кафелю, компьютер щёлкает реле,

вентиляция тянет воздух, а низкий гул за стеной обрывается разом, словно кто-то перерезал натянутую струну. Макс застывает у мойки, смотрит вверх, потом на меня.

— Это не электричество.

На телефоне у него открыто приложение внутреннего мониторинга. Четыре зелёных квадрата температурных датчиков становятся серыми. Следом пропадают две камеры первого этажа: коридор и вход в холодильную. Секционная остаётся в сети. В журнале появляется сухая строка «плановое обслуживание», время начала 04:06, ответственный обозначен буквами СА.

— У нас нет планового обслуживания, — говорит Макс. — И сотрудника с такими инициалами тоже нет. Я в июне табель забивал.

Он уже набирает охрану. Телефон отвечает длинными гудками. Потом трубку поднимают, но вместо голоса слышно шуршание и далёкий стук. Макс зовёт ночного охранника по имени. Стук повторяется три раза, связь обрывается.

Я беру со стола переносную смотровую лампу. Она тяжёлая, с аккумулятором под основанием, и катится плохо, зато даёт холодный направленный свет. Макс достаёт из шкафа разводной ключ. Не самое умное оружие против неизвестного посмертного изменения, однако спорить не хочется: со стороны моя лампа выглядит ещё глупее.

В коридоре жарче, чем минуту назад. Из холодильной тянет не холодом, а сырым железом. Дверь блока приоткрыта

на ладонь, хотя я помню, как Макс дёрнул ручку после закрытия. На магнитном замке нет питания. Рядом со служебной лестницей темно; аварийная лампа моргает так медленно, будто раздумывает, стоит ли продолжать.

— Щитовая внизу, — шепчет Макс.

— Сначала охранник.

— Пост у входа, нам налево.

Мне делается холодно не от воздуха. Налево действительно ближе — шесть метров до лестницы, потом через архив, мимо грузового лифта. Я вижу маршрут целиком, вместе с дверью, которую надо толкнуть плечом, потому что нижняя петля просела. Никогда не ходил к посту этим путём. Архив по ночам заперт, ключ у Лунёва.

— Нет, — говорю я. — Через главный коридор.

Макс смотрит вопросительно, но идёт за мной. Мы успеваем сделать четыре шага. В холодильной что-то ударяет изнутри по металлу — не сильно, без отчаянья. Так сдвигается каталка, когда незакреплённое колесо упирается в дверцу.

Возвращаемся. Макс остаётся сбоку от входа, ключ держит вдоль предплечья. Я включаю лампу и толкаю дверь ногой. Белый луч выхватывает панель с погасшими цифрами, пустой проход и второй шкаф. Его наружная дверца закрыта. Внизу, у самого пола, из-под резинового уплотнителя тянется чёрная линия. Тонкая, неровная, она не отбрасывает тени и движется против слабого сквозняка — медленно ползёт к носку Максовой кроссовки.

— Назад, — говорю я.

— Что?

Я направляю лампу на линию. Та вздрагивает, собирается в короткий узел и уходит под шкаф. Макс отступает, едва не роняет ключ.

— Ты опять это видишь?

Ответить не успеваю. Дверца шкафа выгибается изнутри, фиксатор лязгает, но выдерживает. На белом металле проступает тёмное пятно размером с ладонь. Оно расползается вверх, повторяя не форму тела, а движение человека, который ищет опору в темноте. У меня закладывает левое ухо. Поверх дверцы появляется текст, слишком резкий для зрения, которому весь вечер не хватает резкости.

ОБЪЕКТ: ДЕНИС КРОТОВ.

ПОВРЕЖДЕНИЕ ЭХА: 91%.

ЦЕЛОСТНОСТЬ ИМЕНИ: КРИТИЧЕСКАЯ.

— Павел, — зовёт Макс. Он стоит рядом, но голос доходит словно из коридора. — Что там?

— Повреждение эха. Отойди к свету.

— К какому ещё свету? Ты сам лампой машешь.

Чёрная линия выстреливает из-под шкафа. Я замечаю её поздно, успеваю только толкнуть Макса плечом. Он ударяется о стену, ругается, разводной ключ летит под пустую каталку. Нить проходит там, где была его щиколотка, взбирается по колесу и на уровне колена распадается на несколько тонких волокон. Луч лампы задевает их сбоку. Волокна

сжимаются, но не исчезают.

Макс видит не нить. Он смотрит поверх меня, прямо на закрытый шкаф, и лицо у него становится отсутствующим, почти вежливым. Так люди прислушиваются к объявлению на незнакомом вокзале.

— Карта под шкафом, — говорит он. — Забери и через технический. На первом повороте камера, ниже не видит.

Это не его слова. Голос остаётся Максовым, только фраза выходит слишком быстро, без обычной привычки проглотить окончание и добавить шуточку, когда страшно. Он отталкивает меня и тянется к шкафу голой рукой.

Я перехватываю запястье. Макс сильнее, чем кажется в халате; он выворачивается, ногтем царапает мне ладонь и продолжает смотреть туда, где за металлом лежит Денис. Тёмное пятно на дверце поднимается до уровня головы, вытягивается наружу плоским профилем. Лица нет. Там, где должен быть рот, поверхность прогибается, будто изнутри пытаются произнести слово и не знают, какое.

ФОРМА ОСТАТКА: НЕДОЖИВШИЙ.

ПОИСК НОСИТЕЛЯ: НАЧАТ.

Слово я понимаю раньше смысла. То, что лезет к Максy, уже не Денис. От него остались маршрут, боль в коленях, необходимость вынести карту; всё это продолжает бежать и теперь примеряет чужие мышцы.

— Денис Андреевич Кротов, — говорю я, удерживая Макса. — Тридцать пять лет. Тебя привезли из «Мнемоса».

Ты умер.

Профиль на дверце поворачивается ко мне. Давление в ухе усиливается, перед глазами темнеет по краям. Макс перестаёт вырываться, но лишь на вдох. Потом бьёт меня локтем в грудь и тянется к полу, к несуществующей карте.

— Она там, — хрипит он. — Мне надо отдать.

— Тебе не надо. Ты Максим Штыков. Ты живой. Денис умер.

Я выворачиваю смотровую лампу так, чтобы луч бил Макс у в грудь и резал пятно на шкафу. Аккумулятор пищит от наклона. Волокна сползают с колеса и снова собираются у его ботинка; между ними проступают обрывки чужого движения — рука с накопителем, плечо у закрытой двери, большое колено. Холодильники молчат, температура не видна, из коридора никто не идёт. Я держу Макса за запястье, упираюсь в направляющую и повторяю имя, возраст, место смерти — всё, что можно доказать. Пятно вдавливается в металл, снова выпирает к нам: факты мешают ему выбраться, но лечь не заставляют. Когда Макс произносит моё имя голосом человека с фотографии, становится ясно: до Даниловой мы не дотянем. Я продолжаю говорить, а лампа греется в руке и защёлка второго шкафа медленно поднимается сама.

Глава 3. Незаконное вскрытие

Защёлка поднимается ещё на палец, и дверца отталкивает меня в колено. Я наваливаюсь сильнее, хотя понимаю: если изнутри действительно давит каталка с телом, моих восьмидесяти семи килограммов хватит ненадолго. Если давит не каталка, расчёт массы вообще теряет смысл. Макс дёргается у меня под рукой, пытается нырнуть вниз, к чёрным волокнам, и чужим голосом торопит: карта там, карта остынет, надо успеть. Слова звучат буднично, почти раздражённо. Так живой человек говорит напарнику, который задерживает его у служебного выхода, а не мёртвый — лаборанту, чьё имя узнал минуту назад.

— Максим Штыков, двадцать семь лет, — повторяю я ему в ухо. — Работаешь в областном бюро второй год. Носишь две пары перчаток, потому что в первую неделю порвал одну на ногте покойника и до сих пор думаешь, что я не помню. Сегодня в июньском табеле нашёл несуществующего сотрудника СА. Ты стоишь в холодильной. Ты живой.

Макс перестаёт рваться на одно короткое мгновение. Его лицо остаётся повернуто к шкафу, но взгляд соскальзывает на мою руку, сжатую вокруг его запястья. Потом зрачки снова уходят вверх, под веки, и он хрипло произносит:

— До технической двери семьдесят три метра.

Я знаю, что не семьдесят три. От шкафа — семьдесят один

с половиной, если идти через архив и не огибать тележку у лифта. Знаю совершенно уверенно, вместе с высотой порога и количеством ступеней на лестнице, хотя ни разу их не считал. Чужая память подтверждает чужой голос, и от этого становится страшнее, чем от пятна на металле. Галлюцинацию можно переждать, сосудистый приступ — лечить. Для совпадения двух разных бредов медицина предлагает меньше удобных слов.

Смотровая лампа питит снова. Заряда осталось мало. Луч проседает, белый круг на дверце желтеет по краям, и плоский профиль Дениса начинает выступать сильнее. Под резиновым уплотнителем шевелятся волокна. Одно касается подошвы Макса, другое ползёт к моей ноге. Холода я не чувствую — во мне его и без того достаточно, — зато Макс выгибается и с неожиданной силой тянет нас обоих к шкафу.

Справа от двери висит углекислотный огнетушитель. Я видел его тысячи раз и никогда не считал медицинским оборудованием, но ночь вообще неблагоприятно влияет на специализацию предметов: разводной ключ уже успел побывать оружием, теперь пожарная безопасность будет заниматься посмертными осложнениями.

— Макс, видишь красный баллон?

— Под столом, — отвечает он чужим голосом. — Накопитель под столом.

— Это шкаф. Стол в секционной. Посмотри направо.

Он мотает головой. Пятно на дверце повторяет движение

с небольшой задержкой, будто учится пользоваться шеей. Я прижимаю Макса к боку, просовываю носок под поперечину пустой каталки и дёргаю на себя. Колесо визжит, рама ударяет по шкафу. Защёлка падает, но не входит в паз: между язычком и скобой остаётся несколько миллиметров.

— В июне ты перепутал контейнеры, — говорю я. — Не образцы, только пустые контейнеры, но полчаса делал вид, что так и задумано. Я велел тебе подписывать крышки до забора. Ты обиделся и всё равно стал подписывать. Это твоё. Не его.

— Я не путал, — выдыхает Макс своим голосом — злым, слабым, нормальным.

— Конечно. Они сами обменялись местами. Возьми огнетушитель.

— Вы меня душите.

— Считай это лечебным мероприятием.

Он моргает, наконец замечает, где находится, и смотрит на свою голую правую руку, вытянутую к нижнему краю шкафа. На среднем пальце проступила тёмная полоска, как след от графита. Макс отшатывается. Я отпускаю запястье ровно настолько, чтобы он мог дотянуться до баллона, и тут дверца бьёт снова. Каталка изнутри с лязгом проходит по направляющим. Язычок защёлки выскакивает окончательно.

Макс срывает пломбу, выдёргивает чеку и подаёт мне расруб. О том, что в закрытом помещении углекислота умеет убивать не хуже многих веществ из нашего токсикологиче-

ского каталога, я помню. О том, что струя при выходе охлаждается почти до минус семидесяти, — тоже. Я направляю раструб не в комнату, а вдоль щели и коротко нажимаю рычаг.

Белое облако бьёт по металлу. Резина хрустит, покрываясь инеем, дверца сжимается с негромким щелчком. Чёрные волокна вздрагивают все разом. В луче лампы они на секунду становятся толстыми, блестящими, похожими на волосы, которые вытащили из слива и разложили на кафеле. Макс ругается и пятится к двери. Я даю вторую короткую струю, кашляю от холодной взвеси и прижимаю защёлку основанием лампы. На этот раз язычок входит в паз.

— Денис Андреевич Кротов, тридцать пять лет, — говорю я, не повышая голоса. Горло саднит, слова выходят неровно. — Доставлен из клиники «Мнемос». Смерть констатирована в восемнадцать сорок две. Тело находится в областном бюро судебно-медицинской экспертизы. Максим Штыков к твоей смерти отношения не имеет. Он не понесёт твою карту.

Последняя фраза не установлена никаким документом, но срабатывает лучше остальных. Плоский профиль на дверце проваливается внутрь. Волокна у ботинок натягиваются, собираются в одну линию и уходят под уплотнитель. Макс резко оседает на корточки. Я успеваю схватить его за плечо, однако сам держусь на ногах исключительно благодаря каталке, которую пять минут назад считал помехой.

На металле поверх инея проступают строки.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ОСТАТКА: ВРЕМЕННАЯ. УСЛОВИЯ: ХОЛОД. СВЕТ. ПОДТВЕРЖДЁННОЕ ИМЯ.

Фразы висят недолго. Иней под ними начинает таять, буквы расплываются вместе с водой и исчезают. Я жду продолжения: срока, инструкции, фамилии ответственного. Протокол, если это действительно он, относится к нам с уважением государственного учреждения — сообщает необходимый минимум после того, как ты уже сделал всё сам.

— Вы тоже это видели? — спрашивает Макс.

Он сидит на полу, прижимая ладонь к груди. Очки съехали на кончик носа. На правой скуле краснеет пятно от удара о стену, нижняя губа разбита изнутри. Вид у него достаточно обычный для человека, который ночью пытался залезть в холодильный шкаф к покойнику и теперь надеется, что коллега предложит разумное объяснение.

— Иней, — отвечаю я.

— Не иней. Буквы.

Я опускаюсь рядом и щупаю пульс на его шее. Частый, ритмичный. Кожа тёплая, дыхание шумное, зрачки равные. На вопрос о дате он отвечает правильно, на вопрос о месте — после паузы, во время которой смотрит на закрытый шкаф. Просит не светить ему в глаза и не задавать, кто сейчас президент: если я дошёл до этого теста, лучше сразу вызывать санитаров для нас обоих.

— Что помнишь? — спрашиваю я.

Макс облизывает кровь на губе, морщится и несколько раз сгибает пальцы, словно проверяет, не осталось ли в них чужого движения.

— Как вы меня толкнули. Потом... коридор. Только не наш. Внизу синяя полоса на стене, дверь с табличкой без надписи. В руке что-то маленькое, ребристое. Я знаю, куда бежать, а ноги не мои. Потом вы орёте мне в ухо про контейнеры. Я их не путал.

— Это важно.

— Очень. Для протокола обязательно запишите.

Он пытается встать, но колени не разгибаются с первого раза. Я помогаю, и мы несколько секунд стоим, держась друг за друга с тем неловким усердием, которое принято называть взаимовыручкой, пока никто не принёс фотоаппарат. Макс подбирает разводной ключ. На коже его среднего пальца тёмной полоски больше нет. Под ногтем осталась только грязь с колеса.

Мы выкатываем к шкафу две пустые каталки и заклиниваем дверцу рамами. Это не решение, зато металл не понимает мистики и умеет честно сопротивляться давлению. Я ставлю лампу на зарядку прямо напротив второго шкафа, включаю верхний свет и открываю наружную дверь холодильной, чтобы после огнетушителя сменился воздух. В коридоре тишина. Ни шагов, ни голоса охранника, ни обещанного Лунёвым подкрепления.

— Сначала пост, — говорит Макс. Сейчас в его голосе нет

ничего чужого. Только стыд, который он маскирует деловым тоном. — Потом вы мне расскажете, почему покойник знает вашу фамилию и что такое эхо.

— Я не знаю.

— Какой из двух ответов?

— Оба.

Он смотрит на меня, ожидая привычной колкости, но я не нахожу. Это убеждает его сильнее признания. Макс надевает вторую перчатку поверх первой, затягивает манжету и берёт ключ уже не как оружие, а как тяжёлый предмет, которым при необходимости всё равно придётся бить. Я отключаю баллон, оставляю его у порога и первым выхожу в коридор. За спиной компрессоры молчат. Впереди, со стороны лестницы, что-то коротко царапает линолеум, а затем раздаётся мужской стон.

Охранник лежит за стойкой на боку, подтянув колени к животу. Галстук у него затянут под самое горло, будто нападавший после удара решил привести форму в порядок. На затылке под короткими седыми волосами набухает шишка, дыхание пахнет кислым, пульс медленный, но ровный. Рядом валяется трубка стационарного телефона. Она и стучала о пол, пока Макс звал его из секционной.

Парадная дверь закрыта. Электронный замок не работает,

механический повёрнут изнутри. На стойке стоит бумажный стакан с чаем, ещё тёплый. В него можно было подсыпать что угодно, однако при ударе по затылку даже самой хорошей токсикологии становится обидно за потраченное время.

Макс вызывает скорую и дежурную часть. Я надеваю чистые перчатки, осматриваю охранника и нахожу на шее справа маленькую точку с бледным ободком. Не комариный укус: слишком ровная, в месте, куда комары обычно не оформляют внутривенный доступ. От кофеиновой уверенности в одиночной версии я давно отучился, поэтому фотографирую и прошу Макса сказать диспетчеру про возможное введение препарата.

— Значит, их было двое? — спрашивает он, прикрывая микрофон ладонью. — Один чай наливал, второй бил?

— Или один сначала ошибся с дозой.

— Очень успокаивает.

За запертой дверью уже слышна сирена. Макс идёт открывать механический замок, но замирает у панели пропусков. На чёрном стекле горит единственная строка: сервисный вход открыт в 04:03, карта администратора. Закрыт в 04:05. Имя владельца не отображается.

— Камеры отрубили в четыре ноль шесть, — говорит он. — Они уже были внутри.

— Или один остался.

Макс медленно поворачивает голову к тёмному коридору. Я тоже смотрю туда, хотя гораздо сильнее хочется про-

верить дверь архива слева. Чужой маршрут складывается в голове сам: стойку можно обойти через комнату приёма, оттуда служебной лестницей вниз, потом за грузовой шахтой есть узкий проход к холодильному блоку. При нормальной работе замков он закрыт решёткой. Сейчас нормальной работой не пахнет нигде.

Первой приезжает скорая, через две минуты — патруль. Пока фельдшер задаёт охраннику вопросы, на которые тот не отвечает, молодой сержант внимательно слушает наш рассказ про отключение системы. Историю о том, как Денис пытался продолжить карьеру после смерти, мы с Максом пропускаем по молчаливому соглашению. Получается нападение на охранника и неисправность оборудования. Даже в таком виде сержант выглядит несчастным: в четыре утра человек обычно надеется найти пьяную драку, а не учреждение с шестью входами, мёртвыми камерами и холодильником, подпёртым каталками.

Я звоню Ирине. Она берёт после первого гудка.

— Говори.

— Охранника нашли без сознания. Предположительно удар и инъекция в шею. Камеры и холодильники отключены через сервисный доступ. Кто-то был внутри до отключения.

— Вы где?

— У поста. Скорая и патруль уже здесь.

— Тело?

Я смотрю на Макса. Он держит телефон с открытым мо-

ниторингом обеими руками, будто тот может снова показать зелёные квадраты, если попросить вежливо. На скуле проступает синяк.

— В камере. Дверь заблокирована.

— Почему заблокирована?

— Сломался фиксатор.

Ирина молчит. Откуда-то с её стороны доносится хлопок автомобильной двери.

— Павел, — произносит она без нажима, — я сейчас задам один вопрос. От ответа зависит, еду я к вам одна или с врачом психиатрической бригады. Тело пытались забрать?

— Не в привычном смысле.

— Поняла. Еду с врачом.

— Возьми постановление.

— Оно у меня. Ничего не трогайте. Вообще ничего, включая сломанный фиксатор и твоё чувство профессионального долга.

Я обещать не успеваю: она отключается. Следом звонит Лунёв. Видимо, патрульный дежурный знает служебную иерархию лучше, чем мне хотелось бы. Виктор Петрович не здоровается, зато интересуется, почему областное бюро фигурирует в радиопереговорах как «морг, нападение, возможно вооружённые».

— Вооружённых мы не видели.

— Слава богу, Паша. Остальное, значит, правда?

Я рассказываю про охранника, сервисный вход и отклю-

чение. Лунёв слушает до конца. По голосу слышно, как он ходит: быстрые шаги, пауза, скрип двери, снова шаги. Потом он просит передать трубку сержанту, уточняет состав патруля и требует вызвать криминалистов. Когда телефон возвращается ко мне, начальник уже не канцелярит. Это плохой признак. Простые слова у него заканчиваются быстрее терпения.

— Тело не открывать, — говорит он. — Холодильную печатать. До приезда Даниловой и группы никаких исследований, фотографий из любопытства и твоих любимых самостоятельных решений. Ты меня услышал?

— Холодильники не работают.

— Электрик будет через двадцать минут.

— Двадцать минут могут иметь значение.

— Для чего? Причина смерти за это время не изменится.

Я смотрю на точку инъекции на шее охранника. На красный след за ухом Дениса мы тоже смотрели и решили, что он ничего не объясняет. Иногда причина не меняется. Меняется количество людей, которые успевают её убрать.

— Услышал, — отвечаю я.

Лунёв требует повторить распоряжение. Я повторяю дословно, потому что он заслуживает хотя бы честного нарушения. Скорая увозит охранника. Патрульные расходятся по этажу: сержант идёт проверять технический вход, его напарник остаётся у стойки и записывает данные Макса. Я жду, пока оба отвернутся, и направляюсь в секционную.

Макс догоняет возле мойки и загораживает собой проход — неуверенно, потому что после холодильной его ведёт в сторону, но отступать не собирается.

— Он сказал ничего не трогать.

— Я слышал.

— Вы даже повторили.

— Очень полезная процедура. Исключает недоразумения.

— А что мы сейчас делаем?

— Создаём хорошо документированное нарушение.

Макс снимает очки, протирает их краем халата и долго рассматривает меня без стекла. После того, что произошло в холодильной, у него есть полное право уйти к полицейскому и больше не приближаться ни к Денису, ни ко мне. Вместо этого он надевает очки, включает на телефоне запись и говорит:

— Время четыре тридцать две. Повторное исследование тела Кротова проводится по инициативе эксперта Громова в связи с вновь выявленными обстоятельствами. Распоряжение начальника бюро о приостановке получено в четыре двадцать восемь. Я возражал.

— Очень убедительно.

— Я ещё в журнале напишу.

— Напиши. И подготовь малую костную пилу, набор для височной кости, поляризационный фильтр, три чистых пробирки. Не из открытой пачки.

Он убирает телефон, берёт со стола маркер и стучает кол-

пачком по пустому штативу.

— Что ищем?

— То, о чём Бурова попросила не беспокоиться.

Мы возвращаемся в холодильную вместе с патрульным. Ему я показываю деформированную защёлку, иней от огнетушителя и говорю, что из-за отказа холода необходимо срочно переместить тело. Всё это правда. На каталках, подпирающих шкаф, остались чёрные потёртости, но при обычном свете они выглядят как машинное масло. Полицейский фотографирует дверцу, помогает откатить одну раму и отступает, когда я предупреждаю про углекислоту.

Защёлка открывается тяжело. Тело лежит на каталке в том же положении, в каком мы его оставили. Шов на груди цел, бирка на ноге на месте, руки вдоль туловища. На первый взгляд ничего не изменилось. Только за правым ухом красное пятно стало темнее и влажнее, хотя кожа вокруг сухая. Из-под волос тянется чёрная линия длиной не больше сантиметра. Макс её видит: подносит лампу, щурится и тихо сообщает, что увольняться будет после рассвета, потому что ночью отдел кадров всё равно не работает.

Мы переносим Дениса в секционную и закрываем дверь. Патрульный остаётся снаружи — оформлять вход в холодильную и охранять коридор. Я снимаю старые швы, но грудную и брюшную полости не открываю. Там мы уже были. Меня интересует правое заушное пространство, то самое безобидное пятно, которое при первичном осмотре заслужило

фотографию и одну строчку.

Волосы сбрываю узкой дорожкой. При боковом свете становится видна точка в центре покраснения, меньше игольного прокола и без подсохшей крови. Я промываю кожу стерильным раствором. Макс ставит масштаб, снимает общий план и крупный, затем меняет насадку. Его руки дрожат, но кадры получаются резкими.

— На первичных фото точки нет, — говорит он, сравнивая экран. — Только пятно.

— Есть. Увеличь в четыре раза.

Он увеличивает. В центре старого снимка блестит одна светлая чешуйка. Её можно принять за перхоть, блик, пыль на объективе — за что угодно, если заранее хочется закончить работу к семи.

Я делаю дугообразный разрез за ушной раковиной и полойно развожу ткани. Кровоизлияния почти нет. Канал проходит не как обычный укол: он направлен к сосцевидному отростку, упирается в кость и продолжается внутри неё узким, идеально круглым ходом. Ни скола, ни трещины, ни следа сверла. По краям ткань сероватая, словно её на мгновение нагрели изнутри, но белок не свернулся и кожа осталась цела.

— Так не бывает, — говорит Макс.

— Этой ночью формулировка перегружена. Давай конкретнее.

— Канал в кости есть. Входного повреждения почти нет.

Если это сверлили, должна быть костная крошка. Если прожигали, должен быть ожог. Ничего нет.

— Уже лучше.

Я снимаю тонкую пластинку кости вокруг канала. Под увеличением в глубине видна прозрачная нить. Не чёрная — обычная стеклянная, настолько тонкая, что пропадает, когда меняется угол света. Пинцет соскальзывает. Я беру микрощипцы, поддеваю край и вытаскиваю фрагмент длиной около шести миллиметров. Один конец ровный и полый, второй расплылся внутри кости каплей, как кончик оплавленного световода.

Макс ставит пробирку. Фрагмент падает на дно без звука.

— Стекло? — спрашивает он.

— Похоже. Капилляр или микроигла. Наружная часть разрушилась либо растворилась в тканях, внутренняя оплавилась.

— От чего она могла оплавиться в черепае и не обжечь кожу?

— Наконец правильный вопрос.

Я исследую канал глубже. В нём остаются прозрачные полусферы, спёкшиеся с костными балками. Под поляризационным фильтром они вспыхивают синим и жёлтым. Вокруг — серый налёт, которого не было в образцах из других участков. Берём соскоб, контрольную кость, мягкие ткани по ходу канала. Каждую пробирку Макс фотографирует до и после закрытия, номера вслух повторяет на запись. Нарушать

распоряжение можно по-разному. Я предпочитаю тот, после которого хотя бы не приходится объяснять пропавший материал.

— Это могло остановить сердце? — спрашивает Макс.

— Механически — нет. Канал не доходит до мозговых оболочек, крупных сосудов и нервов. Для летального исхода здесь слишком мало повреждения.

— А немеханически?

Я смотрю на чёрную нить, которая показалась у края разреза. В поляризованном свете она идёт не внутри ткани, а как будто поверх изображения, не подчиняясь глубине резкости. Макс тоже её замечает и отводит лампу. Нить тянется к пробирке со стеклом, останавливается в нескольких миллиметрах от пластика.

— Немеханически, — говорю я, — у нас пока нет метода исследования.

— Огнетушитель есть.

— В заключение его не внесёшь.

— Жаль. У нас впервые прибор с понятной инструкцией.

Я усмехаюсь и тут же замечаю, как Макс следит за моей реакцией. Ему нужно убедиться, что я всё ещё тот человек, который в начале смены издевался над его версиями, а не следующий свободный шкаф для Дениса. Мне, если честно, требуется то же самое. Я диктую размеры канала, состояние тканей и предварительное определение предмета. Голос получается ровным. Только на словах «инородное тело» при-

ходится сделать паузу: чёрная нить у разреза дёргается, и на одно мгновение в ладони появляется ощущение узкой пластиковой карты.

Дверь открывается ключом. Ирина входит быстро, захлопывает за собой и сначала видит открытый набор, затем разрез за ухом, потом пробирку. В её руке папка с постановлением, на плече сумка; волосы собраны небрежнее, чем час назад. Она не спрашивает, ослышалась ли по телефону. Кладёт документы на сухой стол и надевает перчатки.

— Кто разрешил?

— Эксперт Громов, — отвечает Макс. — Я возражал. Есть запись.

— Молодец, Штыков. Научился выбирать свидетелей.

Она подходит к столу. Я показываю первичные фотографии, новый прокол, костный канал и фрагмент в пробирке. Ирина слушает, не перебивая. На словах об оплавлении наклоняется ближе, но стекло руками не берёт.

— Когда нашли?

— В четыре пятьдесят одну. Непрерывная видеозапись исследования есть. Патрульный видел тело до перемещения, номера упаковки на камеру.

— Распоряжение Лунёва?

— Получено в четыре двадцать восемь.

— То есть после него.

— Время обладает этой неприятной последовательностью.

Ирина поднимает на меня глаза. Обычно в её взгляде есть раздражение, сейчас — холодная оценка ущерба.

— Если защита добьётся исключения находки из доказательств, я приведу тебя в суд и дам самому объяснить про последовательность времени. Медленно, чтобы присяжные насладились.

— Постановление у тебя?

Она достаёт его из папки и кладёт рядом с моим журналом.

— Подписано в четыре сорок семь. Я вошла сюда в четыре пятьдесят четыре. Ты начал за пятнадцать минут до постановления, а находку извлёк за три минуты до моего приезда.

— Не знал, что именно три.

— Поэтому нормальные люди звонят.

— Нормальные люди сегодня сюда не приехали.

Макс кашляет, то ли от остатков углекислоты, то ли пытается напомнить, что в комнате есть ещё один ненормальный. Ирина замечает синяк на его лице, берёт за подбородок и поворачивает к свету. Макс терпит две секунды, потом мягко отводит её руку.

— Со стеной познакомился.

— Стена была внутри шкафа?

— Это долгая версия.

— У нас пожарная машина ещё не приехала, время есть.

Он смотрит на меня. Я отрицательно качаю головой не потому, что хочу скрыть случившееся от Ирины; я пока не мо-

гу пересказать его так, чтобы не соврать хотя бы в половине слов. Она замечает обмен взглядами, но не давит. Открывает вторую папку и вынимает распечатку с фотографией Дениса на пропуске. На снимке он моложе, волосы длиннее, глаза прищурены от вспышки.

— Кротов работал в «Мнемосе» курьером внутренней службы, — говорит Ирина. — Не санитаром и не пациентом. Вozил документы, биоматериал и оборудование между корпусами. Три месяца назад официально уволился по собственному желанию. Клиника дала справку, что после увольнения доступа не имел.

— А на самом деле? — спрашивает Макс.

— А на самом деле его временный пропуск открывал турникет почти каждый день. Последний вход вчера в семнадцать пятьдесят восемь, выход не зарегистрирован. Сведения сохранились не у службы безопасности, а у подрядчика, который обслуживает парковку. Там пока не успели узнать, какую версию следует помнить.

Я смотрю на фотографию. Мозоль на правой ладони объясняется сумкой с жёсткой ручкой, светлая полоса на запястье — снятыми часами. Знание технических маршрутов тоже перестаёт быть загадкой. Мёртвый мужчина обретает профессию, и сразу несколько немых деталей начинают говорить нормальным языком.

— Он не просто убежал из лаборатории, — произношу я. — Он знал, где камера не видит. Пользовался этим маршру-

том раньше.

Ирина поворачивается ко мне так резко, что край перчатки хрустит под её пальцами.

— В какой лаборатории?

Я сказал лишнее. Макс перестаёт нумеровать пробирки. Чёрная нить возле уха Дениса медленно сокращается, будто ей тоже интересно, что я отвечу.

— В помещении напротив технической двери, — говорю я. — Это рабочая версия по характеру доступа.

— Нет. Рабочая версия звучала бы «мог знать». Ты сказал «убегал» и «камера не видит». Как будто находился рядом.

— Ир, — начинает Макс.

— Не помогай ему. Он потом решит, что живых можно не информировать, если умершие не жалуются.

Она снимает перчатки, выворачивая их внутрь, и аккуратно кладёт в контейнер. Ждёт. Я мог бы рассказать про девяносто секунд, мужчину с меняющейся походкой, свою фотографию на стене и Макса, который двадцать минут назад говорил голосом Дениса. Для правдивого рассказа не хватает единственной мелочи — уверенности, что всё это происходит не только внутри моей головы. Буквы видел Макс. Чёрную нить тоже. Значит, удобное объяснение с микроприступом больше не выдерживает двоих свидетелей, но от этого не становится легче.

— Я знаю больше, чем могу подтвердить, — говорю я.

— Это я поняла ещё по имени. Откуда?

В коридоре срабатывает пожарная сигнализация. Первый короткий удар звонка режет фразу пополам, второй включается раньше, чем мы успеваем повернуться. Вентиляция захлёбывается и останавливается. Под дверью тянется тонкая полоска дыма.

Макс смотрит на потолок, будто надеется увидеть там подпись ответственного за новое плановое мероприятие.

— Это плановая проверка?

— Теперь можешь увольняться, — отвечаю я. — Отдел кадров проснулся.

Дым пахнет не проводкой. В нём есть спирт, горелый пластик и сладковатая химическая нота, от которой мгновенно садится горло. Ирина приоткрывает дверь на два пальца, оценивает коридор и сразу захлопывает. Сигнализация продолжает бить по ушам. За стеной кто-то кричит, чтобы перекрыли кислород на лабораторном участке. Затем раздаётся глухой хлопок, свет мигает и гаснет.

Аварийные лампы загораются через секунду. Их мутного зелёного света хватает, чтобы увидеть, как чёрная нить у головы Дениса резко толстеет.

— Окно есть? — спрашивает Ирина.

— В секционной нет. Два выхода: главный и через холодильный блок.

— Главный отрезан. Звони пожарным.

Макс уже звонит. Сеть показывает одно деление, диспетчер отвечает, но из-за сигнализации приходится кричать. Я закрываю пробирки в транспортный контейнер, пломбирую крышку и ставлю время. Это не героизм. Когда двадцать лет работаешь с вещественными доказательствами, руки продолжают протокол даже в тот момент, когда лёгкие предлагают заняться чем-нибудь полезнее.

Ирина снимает с плеча сумку, достаёт пистолет и убирает папки в металлический шкаф. Движения у неё быстрые, без показной решительности. Макс заканчивает вызов, берёт контейнер и только тогда спрашивает:

— А тело?

— Оставляем, — говорит Ирина. — Люди важнее.

— За ним уже приходили.

— Поэтому я останусь последней. Громов, води через холодильную.

За дверью раздаётся удар. Не со стороны коридора — из комнаты подготовки, соединённой с секционной второй дверью, которой ночью почти не пользуются. Ручка опускается. Ирина отступает к стене и поднимает оружие.

— Полиция! Стой! Руки так, чтобы я видела!

Дверь открывается ровно на ширину плеча. В проёме появляется мужчина в тёмной рабочей куртке и респираторе. На груди нашивка городской электросети, новая и пришитая криво. Руки он показывает: в левой огнетушитель, в правой

короткий монтажный лом. Затем швыряет баллон под стол.

Ирина успевает ударить его ногой в колено. Мужчина складывается, но не падает; ловит её за голень, дёргает на себя и одновременно бьёт ломом снизу вверх. Она уходит корпусом, металл цепляет край стола. Лоток с инструментами взлетает, скальпели и зажимы звенят по плитке. Макс толкает контейнер мне и хватает стойку с лампой. В проходе за первым возникает второй — выше, в сером комбинезоне, тоже в респираторе. Он не помогает напарнику. Смотрит прямо на Дениса.

— Голову, — говорит первый, удерживая Ирину. — Только голову.

Второй выдёргивает из-под куртки аккумуляторную пилу. Не хирургическую, строительную, с коротким полотном. От одного звука включившегося мотора у меня сводит зубы.

Я бросаю контейнер Максу и толкаю каталку поперёк комнаты. Колесо налетает на упавший зажим, рама разворачивается. Мужчина с пилой отскакивает, лезвие пропарывает простыню у плеча Дениса и врежется в металлический край. Искры летят в аварийном свете. Он выключает мотор, выдёргивает полотно и идёт на меня, не торопясь. Респиратор скрывает лицо, но глаза светлые, спокойные, совершенно трезвые.

— Отойдите, Павел Алексеевич, — говорит он. — Вам вредно дышать дымом.

Меня узнают уже третий раз за ночь люди, которым я не

представлялся. Начинает надоедать.

— А вам вредно путать морг с магазином запчастей.

Я беру с пола костную пилу. Она меньше его инструмента и питается от розетки, которая сейчас мертва. В руке остаётся бесполезной тяжёлой рукоятью. Мужчина переводит взгляд на неё и усмехается глазами.

За его спиной Макс тянется к кнопке настенной вытяжки. Первый нападавший замечает движение, отпускает Ирину и бросает лом. Он попадает Максу в плечо. Макс ударяется о шкаф, роняет транспортный контейнер, но крышка выдерживает. Ирина оказывается на свободе и бьёт нападавшего рукоятью пистолета в висок. Тот наконец падает на колени. Второй запускает пилу снова.

Пила взывает второй раз. Потом я не смогу вспомнить, кто из нас первым двинулся, зато в память намертво врежутся стёртый край его правого ботинка, капля пота у виска и ровная линия короткого лезвия. Страх вообще ведёт учёт по-своему. Я понимаю, что мужчина ударит не меня: делает шаг влево, толкнёт каталку бедром и срежет голову за несколько секунд, пока напарник держит Ирину. Понимаю раньше, чем он переносит вес. Не угадываю — вспоминаю движение, которое ещё не случилось.

Так двигался человек в последних девяноста секундах Дениса.

Я бью рукоятью по его кисти. Мужчина меняет движение без заминки, словно выбрасывает один навык и достаёт дру-

гой. Локоть летит мне в лицо, я успеваю отвернуться. Удар приходится в скулу, белый свет вспыхивает даже в темноте. Он хватает меня за ворот, притягивает и тихо говорит:

— Вы всё равно откроете дверь.

Мужчина разворачивает меня спиной к Ирине. Ствол уже смотрит ему в грудь, но теперь между ними моя голова; Данилова в последний момент уводит руку вверх и стреляет. Пуля разбивает плафон над нами, стекло сыплется мужчине за воротник. Он рефлекторно отпускает меня, закрывает лицо, и Ирина снова ловит его в прицел.

— Следующая ниже, — говорит она.

Первый нападавший поднимается с пола и швыряет что-то в открытый проём. Раздаётся сухой треск. Дым сразу густеет, под потолком пробегает оранжевое пламя. Горит не случайная проводка — горючую жидкость налили заранее вдоль комнаты подготовки и коридора, чтобы огонь пошёл именно к секционной.

Мужчина с пилой отступает. Ирина стреляет. Пуля рвёт рукав у его плеча и ударяет в дверь; он дёргается, но не падает. Напарник хватает его за куртку. Оба исчезают в дыму так же быстро, как появились. Ирина бросается следом до порога, останавливается, делает два шага назад и захлопывает противопожарную дверь. По металлу тут же ударяют снаружи.

— Они отрезали главный выход, — говорит она. Голос стал ещё спокойнее. — И знают план здания.

— Не только они, — отвечаю я.

Дым уже опустился до уровня лица. Макс сидит у стены, держится за правое плечо. Пальцы шевелятся, явной деформации нет, но поднять руку он не может. Я натягиваю ему на рот влажное полотенце, второе отдаю Ирине. Она пытается вызвать патрульного по телефону, связи нет. За дверью слышны удары и треск; где-то дальше лопается стекло.

— Через холодильную до лестницы, — говорю я. — Потом вниз, за архивом есть технический коридор к погрузочной рампе.

— Ты говорил, что два выхода, — напоминает Ирина.

— Официальных два.

— Откуда знаешь про третий?

— Сейчас не лучшее время для этой части показаний.

Она смотрит на меня сквозь дым. Секунда уходит на решение, которого я не слышу.

— Ведёшь Макса. Я забираю тело в холодильную и блокирую внутреннюю дверь. Они пришли за головой — значит, огонь переждать не рассчитывают. Потом за вами.

— Ты одна.

— А вас двое, и один сейчас упадёт. Не спорь с арифметикой.

Макс пытается подняться и действительно едва не падает. Я закидываю его левую руку себе на плечо. Правую он прижимает к боку. Транспортный контейнер с микроиглой заталкиваю ему под халат и застёгиваю верхнюю пуговицу.

— Если потеряешь, — говорю я, — вернёмся.

— Очень мотивирует.

Ирина катит Дениса к холодильной. Чёрная нить у правого уха тянется за каталкой, но огонь её не освещает и тени она не даёт. У порога я оборачиваюсь. Данилова одной рукой толкает тело, в другой держит пистолет. На её щеке кровь от мелкого пореза, волосы выбились из узла. Она замечает, что я смотрю, и кивает на дверь.

— Громов, живых выводы. Мёртвого я оформлю.

Мы с Максом уходим в холодильный блок. Здесь дым пока тоньше, зато аварийная лампа погасла совсем. Луч телефона выхватывает стальные дверцы, белый пар от растаявшего инея и чёрные следы на полу. За спиной лязгает рама: Ирина заталкивает каталку в свободный шкаф, затем перегораживает вход. Через несколько секунд она кашляет уже далеко, со стороны секционной.

Технический проход должен быть за холодильниками. Я не думаю, откуда это знаю. Веду Макса к дальней стене, отодвигаю пластиковый стеллаж с упаковками. За ним гладкий кафель и узкий зазор у труб. Ни двери, ни ручки.

— Павел Алексеевич, — говорит Макс в полотенце, — если это ваш тайный выход, он очень тайный.

В голове появляется не картинка — последовательность движений. Нажать коленом на нижний лист, пальцами найти выступ под трубой, сдвинуть панель вверх, не тянуть на себя. Денис делал это десятки раз, торопясь и ругаясь на мастера,

который поставил защёлку слишком высоко.

Я касаюсь кафеля. Холод проходит по руке к плечу, затем проваливается в грудь. На этот раз я не сопротивляюсь. Чужое знание не толкается с моим и не пытается назвать меня Денисом. Оно лежит готовым маршрутом, который мёртвому больше не нужен, а живым нужен сейчас.

ДОСТУПЕН ОТПЕЧАТОК: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПАМЯТЬ.

БЕЗОПАСНЫЙ ИНТЕРВАЛ: 00:00:30.

Я принимаю его, не произнося ничего вслух. Левая ладонь сама находит выступ. Колено давит точно в место, где за панелью стоит пружина. Кафельный щит поднимается, открывая тёмный лаз шириной меньше метра. Изнутри тянет пылью и прохладным воздухом.

— Полезли, — говорю я.

— Куда?

— Отсюда.

Макс забирается первым, работая одной рукой. Я подталкиваю его в поясницу, слышу за спиной удар и звон металла. То ли огонь добрался до шкафа с инструментами, то ли мужчины вернулись через другой вход. Чужой отсчёт идёт без цифр: я чувствую, как маршрут быстро выцветает, и знаю, что через несколько секунд перестану понимать, куда ставить ногу.

Лаз выходит в узкий технический коридор между стенами. Под потолком трубы, на полу кабели в коробах. Мы идём

согнувшись. На первом повороте Макс цепляется ботинком за ступень, которую не видно в дыму. Я ловлю его, одновременно ставлю свою ногу на поперечную трубу и переносу вес через короб так легко, будто сорок два года тренировался убегать по коммуникациям. Моё тело возражает: в правом боку вспыхивает боль от Максова локтя, колено хрустит, дыхания не хватает. Память знает, что делать. Мышцы не подписывали согласия.

Впереди решётка. Замок висит с нашей стороны, ключа нет. Денис проходил иначе: слева, под кабельным лотком, кирпич вынут из кладки, за ним рычаг аварийного сброса. Я нахожу отверстие, срываю кожу на костяшках и тяну. Решётка отходит на несколько сантиметров. Макс протискивается, шипит, когда металл касается плеча. Я лезу следом, и в этот момент отпечаток обрывается.

Не слабеет постепенно — исчезает. Коридор передо мной остаётся тем же: трубы, дым, зелёный отблеск аварийного знака вдалеке. Только я больше не знаю, какой поворот ведёт к рампе. Справа и слева одинаковые двери без табличек. Из одной тянет речной сыростью, из другой — горячим бетоном.

Макс прислоняется к стене.

— Дальше?

Я закрываю глаза. В памяти пусто ровно там, где секунду назад был план. Зато слышно пожарных: далёкие голоса и удар металла справа. Это не сверхъестественный навык,

обычная акустика старого здания. Я выбираю правую дверь.
— На звук.

Она заперта со стороны ramпы, но внизу есть вентиляционная решётка. Макс опускается на колени и просовывает левую руку между прутьями. До внутренней ручки не хватает нескольких сантиметров. Я встаю спиной к стене, упираюсь обеими ногами в дверь и давлЮ. Петли держат. Макс ругается, выворачивает плечо и всё-таки цепляет ручку кончиками пальцев. Замок щёлкает.

Дверь распаивается наружу, и мы вдвоём вываливаемся на бетон погрузочной ramпы. Ночной воздух кажется ледяным, хотя августовская жара ещё не ушла. Нас сразу подхватывают пожарные. Кто-то оттаскивает Макса, кто-то срывает с меня полотенце и задаёт вопросы. Я отвечаю про женщину внутри, про секционную и холодильный блок, показываю техническую дверь. Люди в масках уходят туда, откуда мы вышли.

На асфальте у главного входа мигают синие и красные огни. Патрульный, оставшийся в коридоре, выбрался через окно комнаты приёма; его осматривают у машины. Второго сержанта не видно. Нападавших тоже. Над крышей поднимается чёрный дым, в окнах первого этажа пляшет оранжевый свет. Внутри остаются Ирина, Денис и не меньше сорока других тел, каждому из которых опять не повезло оказаться в неудобном для начальства месте.

Я делаю шаг к входу. Пожарный в каске ловит меня попе-

рёк груди.

— Куда?

— Там следователь.

— Там звено. Вы им мешать будете.

— Я знаю план здания.

Слова выходят раньше, чем я успеваю понять, что это неправда. План только что исчез из головы. Я вижу фасад собственного бюро и не могу сказать, где за ним находится секционная. Пространство рассыпалось на отдельные двери, окна, стены. Впервые за двадцать лет здание, где я мог пройти ночью без света, становится чужим.

Меня усаживают на ступень подальше от дыма. Макс сидит рядом, рукав халата разрезан, на плече быстро растёт отёк. Контейнер со стеклом он всё ещё держит под халатом обеими руками. Когда фельдшер пытается забрать его для осмотра, Макс так смотрит, что женщина отступает и зовёт полицейского в свидетели передачи.

— Я не потерял, — сообщает он мне после того, как контейнер оказывается в пакете с номером. — Возвращаться не надо.

— Уже плюс.

— Ирина Сергеевна выйдет.

Он произносит это не вопросом. Я киваю, потому что сейчас моя очередь врать ради практической пользы.

Ирина выходит через главный вход через девять минут. Я считаю их по часам пожарного автомобиля, хотя не помню, сколько прошло до того, как начал считать. На ней чужая фильтрующая маска, в правой руке пистолет, в левой — пластиковая бирка Дениса. За ней двое пожарных выносят каталку с телом в термочехле. Голова на месте. Простыня у шеи разрезана полотном пилы, кожа не задета.

Данилова передаёт оружие подошедшему сотруднику, снимает маску и кашляет долго, сдерживая звук до последнего. На левой ладони содрана кожа, порез на щеке мелкий. Она подходит не к скорой, а к нам.

— Оба? — спрашивает.

— Оба, — отвечает Макс. — Контейнер у полиции. Пломба цела.

— Тело тоже. Нападавшие ушли через комнату подготовки до того, как огонь отрезал проход. Один ранен в правое плечо. Крови мало, но образец возьмут.

Она поворачивается ко мне, и по тому, как долго задерживает взгляд на моём лице, я понимаю: простой отговорки уже не хватит.

— Как открыл панель?

— Знал где нажать.

— Откуда?

— От Дениса.

Макс медленно втягивает воздух. Это первый раз, когда я произношу невозможное при Ирине без попытки спрятать его за медицинским термином. Она не переспрашивает, правильно ли услышала. Смотрит на меня так же, как на пробирку с микроиглой: источник сомнительный, находка реальная, выбрасывать рано.

Фельдшер садится передо мной на корточки. На бейдже написано «Захарова», на пальце дешёвое кольцо с зелёным камнем. Она светит фонариком в глаза, просит следить за кончиком ручки, затем задаёт стандартные вопросы. Имя, возраст, дата рождения, место работы. Я отвечаю. В каком городе находимся — отвечаю. Какой сегодня день — со второй попытки.

— Адрес проживания?

Я открываю рот и понимаю, что не знаю.

Квартира существует. Там две комнаты, кухня с краном, который надо было заменить ещё весной, книжный шкаф отца и кружка Нади с отбитой ручкой. Я могу представить коридор, серый коврик у двери, царапину на косяке. Не могу вспомнить улицу, дом и номер квартиры. Внутри памяти стоит белое пятно, аккуратное и бесстыдное, как вырезанная строка в документе.

— Адрес? — повторяет Захарова.

— Он знает, — вмешивается Макс. — Два часа назад называл. У него давление было.

Ирина опускается рядом со мной. После дыма глаза у неё красные, голос по-прежнему спокойный.

— Павел Алексеевич, где вы живёте?

— Не помню.

Сказать это оказывается труднее, чем признаться в незаконном вскрытии. Там я сделал выбор и мог его защищать. Здесь кто-то вынул из головы простой личный факт, пока я пользовался чужим маршрутом. Я пытаюсь восстановить его профессионально: район, дорога на работу, вид из окна. Сразу всплывает коридор «Мнемоса» с синей полосой, лестница за архивом, расстояние до технической двери. Чужое лежит сверху, моё не открывается.

Захарова надевает мне манжету, диктует коллеге давление и спрашивает, не было ли раньше провалов памяти. Я говорю, что не было. Макс отводит глаза: у нас обоих есть причины считать сегодняшний ответ недостаточно точным. Ирина забирает у фельдшера бумажную салфетку и ручку.

— Начни не с адреса. Имя дочери?

— Надежда Павловна Громова. Девятнадцать лет. Учится на фельдшера. Не отвечает на сообщения, когда злится, но проверяет, прочитал ли я её.

— Когда вы говорили?

— Около половины второго. Я обещал приехать к ней в субботу.

— Имя отца?

— Алексей Григорьевич. Патологоанатом. Умер пять лет

назад.

Она записывает ответы не как следовательские показания, а столбцом, оставляя между строками место. Макс добавляет про пустые контейнеры, которые якобы обменялись сами. Я вспоминаю раздражение, с которым тогда велел ему маркировать крышки, и впервые за несколько минут память отзывается моей эмоцией, а не картинкой Дениса.

— На работу как ездите? — спрашивает Ирина.

— По Мельничной до проспекта, потом через мост.

Слово цепляет следующее. Мельничная — не только дорога, я живу на ней. Дом шестнадцать, квартира двадцать четыре. Я вижу цифры на квитанции, которую третий месяц забываю убрать с обувной тумбы.

— Мельничная, шестнадцать, квартира двадцать четыре, — произношу я и повторяю, проверяя. — Телефон...

Номер тоже возвращается. Ирина дописывает адрес, ставит рядом время — 05:49 — и отдаёт салфетку мне.

— Держи. Если снова забудешь, не пытайся выглядеть убедительно. Читай.

— Очень врачебный подход.

— Следственный. Врачи тебя уже осмотрели и почему-то оставили на свободе.

Захарова слышит, недовольно поджимает губы и объявляет, что свобода временная: мне нужен стационар, Макс — рентген плеча, Ирине — обработка пореза и кислород. Ирина соглашается за всех, затем встаёт и отходит к опера-

тивникам. Вокруг нас начинает складываться обычная работа после чрезвычайного происшествия: ленты, номера машин, фамилии прибывших, пересчёт эвакуированных тел. Пожар локализовали в комнате подготовки и архивном коридоре. Секционная залита водой, но основная часть бюро цела. Один из пожарных выносит деформированный огнетушитель нападавших; на его дне обнаружена ёмкость с ускорителем горения. Случайностью пожар уже не назовёт даже очень дорогой юрист.

Макс пробует пошевелить правой рукой, бледнеет и осторожно возвращает локоть в прежнее положение.

— Если перелом, меня оставят в больнице.

— Это обычная практика.

— А вы пойдёте искать, куда Денис нёс накопитель.

— После обследования.

— Вы сейчас соврали хуже, чем про фиксатор.

Я не спорю. На парковке рядом с каталкой Дениса работают криминалисты. Термочехол закрыт, возле головы стоит вооружённый сотрудник. Чёрной нити отсюда не видно. Возможно, она ушла вместе с холодом и названным именем; возможно, просто ждёт, пока снова станет темно. О том, что часть Дениса осталась во мне, напоминает каждый открытый проход: взгляд сам измеряет расстояние, ищет слепую зону, отмечает выступ, за который можно ухватиться. За этот навык я уже заплатил адресом, пусть и ненадолго. Цена выставлена после услуги, как в заведении, куда при свете я бы не

вошёл.

Ирина возвращается с папкой, покрытой серыми каплями воды. Внутри уцелела распечатка с проходами Кротова. Она садится на ступень между нами, не спрашивая разрешения, и разворачивает лист на колене.

— Нападавшие знали, что искать и где. Пожар начался через четыре минуты после того, как я вошла в секционную. Значит, наблюдали либо за входом, либо за мной. Сервисную карту использовали до отключения. Копию журнала подрядчик уже сохранил. Микроигла у нас. Тело у нас. Для одной ночи результат неплохой, если не считать половину уголовного кодекса, которую вы оба трактовали творчески.

— Я возражал, — напоминает Макс.

— Вижу, как сильно. Поэтому тебя били вместе с ним.

Она проводит пальцем по отметкам турникета. Денис входил в «Мнемос» утром и вечером, иногда по два раза в день. В последние четыре суток интервалы становятся короче. Вчера — единственный вход без выхода.

— Курьер, который официально не работает, — говорит Ирина. — Карта, которой официально нет. Помещение, которого вы пока не хотите мне объяснять. И накопитель, которого нет ни при теле, ни в клинике. Если Кротов успел вынести его, куда бы понёс?

Я смотрю на лист, но вижу не цифры. В ладони вспоминается ребристый пластик, впереди — лестница, потом тёплый воздух улицы и необходимость попасть туда, где много

камер, людей и запирающихся ячеек. Картинка не складывается полностью. Остаётся навязчивое ощущение металла под пальцами и громкий женский голос из динамика, объявляющий прибытие поезда.

— На вокзал, — говорю я. — Он шёл на вокзал.

Ирина не спрашивает, откуда знаю. На полях распечатки пишет одно слово и подчёркивает, затем складывает лист. Макс устало прислоняется затылком к стене, морщится от плеча и просит, чтобы в больнице ему дали хотя бы час поспать до нашего следующего незаконного мероприятия. Данилова обещает два, если рентген хороший. Мне она ничего не обещает. Протягивает салфетку с моим адресом и ждёт, пока я уберу её во внутренний карман халата.

Скорая увозит нас, когда над Яровском начинает светлеть. Пожарные ещё работают, каталка Дениса остаётся под охраной, а на мокром асфальте у входа лежит разрезанная простыня. Я повторяю про себя Мельничную, шестнадцать, двадцать четыре — не заклинанием и не выводом, просто фактом, который пока принадлежит мне.

Глава 4. Свидетель номер ноль

В приёмном отделении меня трижды спрашивают, не пытался ли я уйти, и каждый раз я отвечаю честно: палаты у меня нет, поэтому покинуть её технически невозможно. К девяти утра эта шутка перестаёт нравиться даже мне. Я сижу на кушетке за зелёной ширмой, на груди белеют электроды, а молодой врач изучает томографию с выражением человека, которому снимки не дали ни одной уважительной причины запереть пациента.

— Органических изменений не вижу, — говорит он. — Карбоксигемоглобин уже снизился, сатурация нормальная, неврологический дефицит не определяется. Но эпизод дезориентации и провал памяти — это не «просто перенервничал». Минимум сутки наблюдения.

— Адрес я вспомнил.

— Это не отменяет того, что вы его забыли.

На столике лежит выданная Ириной салфетка: «Мельничная, 16–24», ниже мой телефон и имя Нади. Я держусь за бумагу с нелепым упрямством. Адрес помню — вместе с облупившейся дверью подъезда и соседом, который ставит велосипед поперёк площадки. Просто теперь знаю: память может вернуть факт и всё равно перестать быть надёжным местом хранения.

— Вы вдыхали продукты горения, получили удар в лицо

и кратковременно не ориентировались в хорошо знакомом здании. Кроме того, коллеги описывают снижение температуры тела до тридцати пяти и четырёх до пожара. Объяснения этому у вас нет.

— Если появится, я сообщу.

— Кому?

— Судя по обстановке, патологоанатому.

Врач кладёт снимки. За ширмой Ирина по телефону превращает ночной пожар в уголовное дело: требует изъять журналы доступа, объясняет разницу между аварией и двумя мужчинами с пилой, затем предлагает повторить возражения под запись. Макса увезли на рентген; перед кабинетом он сообщил, что правой рукой работать пока не сможет, зато для увольнения достаточно левой, и попросил не начинать без него новых вскрытий, пожаров и контактов с потусторонним.

— Я оформлю отказ, — говорю врачу.

— А я вызову психиатра.

— На каком основании?

— Вы только что предложили патологоанатому решить вопрос с вашей диагностикой.

— Это была профессиональная шутка.

— Тем хуже. Значит, когнитивные нарушения у вас давно.

Угол его рта всё-таки дёргается. Я не подписываю отказ сразу: Денис находится в охраняемой камере при областной больнице, микроигла — в сейфе следственного управления,

а моё присутствие пока требуется только на кушетке. Разумные доводы особенно неприятны, когда совпадают с болью в рёбрах.

Ширма отодвигается, и в проёме появляется Надя.

Она в джинсах, широкой серой футболке и с волосами, собранными кое-как. Через плечо висит учебная сумка медицинского колледжа. На лице нет растерянности — только сосредоточенная злость, которой Надя обычно прикрывает страх.

— «В морге холодно», — говорит она вместо приветствия. — Ты именно так назвал пожар, нападение и скорую?

Врач поднимает руки, показывая непричастность, и выходит. Надя занимает его стул и рассматривает мою скулу, перевязанные костяшки, грудь с электродами — без суеты, по порядку.

— Макс позвонил? — спрашиваю я.

— Макс прислал фотографию своего плеча и написал: «С Павлом Алексеевичем почти всё нормально, но лучше приезжай, пока он не сбежал». Я решила, что «почти» у вас означает хотя бы одну сохранённую конечность.

— У него рука цела.

— Я сейчас не про него.

Надя берёт салфетку с адресом. Читает, переворачивает, словно на обороте может быть объяснение, и кладёт обратно не на столик, а мне на колено.

— Зачем это написано?

— Проверяли ориентировку после дыма.

— И?

— Сначала не вспомнил адрес. Через несколько минут вспомнил.

Она перестаёт злиться. Проверяет мои зрачки фонариком, просит назвать дату, имя её матери и собственный день рождения. Я отвечаю без ошибки.

— А меня? — спрашивает Надя.

— Надежда Павловна Громова. Девятнадцать лет. Двадцать второго ноября. В детстве называла стетоскоп «сердцеслушалкой» и собиралась лечить людей до того, как они попадут ко мне.

Она убирает телефон.

— Я этого не помню.

— Я помню.

— Пока.

Слово выходит резче, чем она хотела. Надя отворачивается и трёт большой палец об указательный — привычка её матери, возникающая только при сильном волнении.

— Томография чистая, — говорю я. — Анализы без критических изменений. Меня оставляют для наблюдения.

— Значит, останешься.

— Значит, решу после разговора со следователем.

Она закрывает глаза. На этот раз злость возвращается не целиком, а усталой, почти взрослой частью.

— Ты обещал приехать в субботу. Не на похороны, не по-

сле выписки из реанимации. Просто приехать.

— Помню.

— Тогда води себя так, будто планируешь выполнить.

Я хочу ответить привычно — что обещание и работа не противоречат друг другу, пока работа не назначена на субботу. Вместо этого кладу ладонь на салфетку. Надя видит движение, но не торопит. За ширмой Ирина произносит: «Нет, тело вы не выдадите никому без моего письменного распоряжения», и наступившая тишина становится почти уютной.

— Приеду, — говорю я. — Если меня выпишут.

— Уже честнее.

Она достаёт из сумки чёрный маркер, на обороте салфетки пишет свой номер крупнее Иринино почерка и суёт бумагу во внутренний карман моей чистой рубашки. Похлопывает по карману дважды, проверяя. Я вздрагиваю не от боли: ровно так Денис в чужом воспоминании проверял маленький накопитель перед тем, как открыть дверь лаборатории.

Надя замечает.

— Больно?

— Рёбра.

Это не вся правда, но достаточно близко к телу, чтобы её можно было измерить. Дочь кивает, встаёт и оставляет на стуле бумажный стакан с кофе.

— Я на занятиях до трёх. Если тебя выпишут — напиши. Если сбежишь — тоже напиши, чтобы я знала, в каком отделении потом тебя искать.

У выхода она сталкивается с Ириной. После моего профессионального скандала Данилова однажды выгнала репортёра из нашего подъезда, и Надя этого не забыла.

— Не давайте ему уйти одному, — говорит она.

— Не дам, — отвечает Ирина.

Они обмениваются взглядами двух людей, только что подписавших соглашение без моего участия. Я возражаю, что нахожусь здесь, но обе уже выходят. Кофе оказывается без сахара и настолько крепким, будто Надя варила его из личной обиды.

Через пять минут Ирина возвращается с пакетом вещественных доказательств. Внутри лежат две монеты, бумажная салфетка Дениса и овальный латунный жетон с цифрой 47. При первичном осмотре я принял его за гардеробный. Теперь на обратной стороне видна плохо прочищенная эмблема: чемодан на фоне колеса.

— Это не гардероб «Мнемоса», — говорит Ирина. — Их жетоны пластиковые, белые, с логотипом. Такой знак был у вокзальной камеры хранения до ремонта. Старые ячейки оставили в цокольном этаже для негабаритного багажа.

Латунь по краям стёрта, в углублениях цифр забился серый порошок. Я наклоняюсь ближе. Не пыль и не пепел — графитовая смазка, которой пользуются в старых замках. Рядом с семёркой застыла крошечная синяя ворсинка. В реконструкции Денис был в серо-синей рубашке. Ворсинка ничего не доказывает сама по себе, зато жетон лежал в его кармане,

а перед смертью он пытался вынести носитель.

— Когда его выдали? — спрашиваю я.

— Вчера в шестнадцать двенадцать. Журнал бумажный. Мужчина без багажа оплатил сутки наличными, показал паспорт, но дежурная записала только фамилию: Кротов. Камера в цоколе не работает третий день из-за протечки. Очень удобная неисправность.

— Он оставил настоящее до входа в клинику.

— А с собой взял то, что за ним должны были забрать, — добавляет Макс из коридора.

Он стоит в больничной майке, на правой руке косыночная повязка, очки сидят криво. Лицо серое после обезболивающего, зато на ногах. Под мышкой левой руки зажата папка с выпиской.

— Рентген хороший, — сообщает он. — Перелома нет. Ушиб, растяжение и рекомендация не участвовать в рукопашном бою минимум десять дней. Я спросил, распространяется ли это на покойников, но травматолог не оценил специфику работы.

Ирина смотрит на его повязку, затем на меня.

— Оба остаётесь здесь.

— Вы обещали два часа, — напоминает Макс.

— Если рентген хороший. Я не говорила, что после этого возьму тебя с собой.

— Телефон из ячейки кто будет включать? Следовательно с двадцатилетним стажем в мобильной криминалистике?

— Мне тридцать восемь.

— Я про стаж.

— Макс, — говорю я, — иногда разумнее замолчать до того, как тебя выпишут окончательно.

Он переводит взгляд на жетон. Шутка с лица исчезает.

— Это номер сорок семь?

— Ты его видел при первичном осмотре, — отвечает Ирина.

— Видел. Тогда он ничего не значил.

— Теперь значит. Поэтому к ячейке поедет следственная группа, сотрудник транспортной полиции и специалист. Вы дадите показания здесь.

Я беру пакет за верхний край. Через пластик металл не ощущается, но ладонь всё равно вспоминает холодный ребристый корпус, которого в пакете нет. Следом возникает женский голос из динамика: «Поезд прибывает...» — дальше пусто. Не звук из реконструкции. Там, в лаборатории, поездов не было. Это остаток пространственной памяти Дениса, маршрут, который он успел спрятать не в ячейке, а во мне.

Над латунным жетоном проступают две строки.

ОСТАТОЧНЫЙ МАРШРУТ: НЕЗАВЕРШЁН.

СОВПАДЕНИЕ СРЕДЫ: НЕДОСТАТОЧНО.

Буквы висят внутри пакета, следуя за наклоном жетона. Я ставлю его на столик. Текст гаснет. Ирина замечает, как я отвожу руку.

— Что?

Вчера я ответил бы, что ничего. Теперь, после огня и обещания дочери дожить до субботы, это будет уже не осторожность, а привычка врать.

— Когда касаюсь вещей Дениса или оказываюсь там, где он ходил, я вспоминаю маршрут, — говорю я. — Не как адрес. Телом. В морге это помогло открыть техническую панель. Потом я на несколько минут забыл собственный дом.

Макс опускается на край соседней кушетки. Ирина не задаёт вопроса, верит ли он мне. После букв на холодильнике нас двое, а после панели — трое свидетелей тому, что невозможное умеет оставлять вполне материальные двери открытыми.

— Что ты видишь сейчас? — спрашивает она.

— Текст. Маршрут незавершён, совпадения среды недостаточно.

— Вокзал восстановит?

— Возможно.

— Цена?

Я касаюсь кармана с адресом.

— Заранее не сообщает.

В коридоре ругаются на заклинившую каталку, из динамика вызывают хирурга. Обычная больничная жизнь делает наш разговор особенно нелепым.

— Тогда условия мои, — говорит она. — В ячейку первым не лезешь. Ничего без команды не трогаешь. Если путаешь

имя, место, дату или снова забываешь адрес — прекращаем. Макс едет только после осмотра и работает одной рукой. Я еду не потому, что поверила в надписи. Мне нужен человек, который укажет конкретную ячейку и сможет объяснить это в протоколе без слова «эхо».

— Номер уже есть.

— В старой камере семь секций по сорок ячеек. Номера повторяются. Журнал не указывает секцию: дежурная написала просто «47», потому что знает собственный подвал. А утренняя смена там новая.

Макс улыбается одним углом рта.

— Значит, без нашего коллективного психоза не обойтись.

— Обойтись можно всегда, — отвечает Ирина. — Вопрос, сколько времени потеряем.

Врач спорит семь минут, берёт с Ирины обещание вернуть меня при повторной дезориентации и лично сообщает, что считает решение идиотским. Я получаю рецепт, выписку и запрет садиться за руль; Макс — ту же оценку без рецепта. По дороге вниз я дважды проверяю дверь лестницы и выбираю пролёт вместо лифта, только у выхода понимая, что не хочу заходить в кабину без второго выхода.

Ирина ничего не комментирует. Просто открывает переднюю пассажирскую дверь, откуда видно обе стороны парковки, и ждёт, пока я сяду.

Яровский вокзал строили в те времена, когда железная дорога требовала колонн, лепнины и потолка высотой с хорошую ложь. Позже к нему пристроили стеклянный зал, но под землёй всё осталось прежним: гранитные ступени, зелёная краска и запах мокрого железа.

У служебного входа нас ждут капитан транспортной полиции, криминалист и заведующая камерой Нина Аркадьевна Трошина. Она оглядывает наши повязки и решает не спрашивать о характере происшествия. Разумная женщина.

— Сорок седьмые у нас в трёх секциях, — говорит она, отпирая решётку цоколя. — В первой мелкие, во второй крупные, в старой багажной тоже номер идёт заново. Вчера была Лариса. Она в журнале должна была букву поставить.

— Не поставила, — отвечает Ирина.

— Значит, старая багажная.

— Мужчина был без сумки.

Трошина останавливается на площадке.

— Странно. Без ничего человек жетон не получает.

— Значит, что-то принёс в кармане, — говорит Макс.

Капитан просит не рассуждать до окончания осмотра. Макс кивает; на каждой ступени он прижимает локоть к телу. Обезболивающее убрало боль, не повреждение.

Первая секция начинается сразу за решёткой. Я замечаю

зеркало, затем камеру, дверь персонала и пожарный выход. Взгляд строит пути сам, и каждый открытый проход ненадолго успокаивает. Когда Трошина запирает решётку, я обращаюсь на щелчок.

— По правилам должна быть закрыта, — говорит она.

— Конечно.

До ключей на её поясе два шага. Я не собираюсь их брать, но чужая привычка уже проверила, успею ли, если свет погаснет.

На первом повороте Ирина спрашивает дату, на втором — адрес. Я добавляю номер квартиры раньше, чем она успевает потребовать. Капитан делает вид, что такие проверки в вокзальных подвалах обычны.

У второй секции гудит вентиляция. Маршрут не открывается целиком, но я вижу серо-синюю рубашку на собственных руках и чувствую тяжесть чужого телефона. Впереди должна быть лестница на три ступени и сломанная плитка слева.

За поворотом появляются и лестница, и отколотая плитка. Я останавливаюсь раньше остальных.

— Здесь он прошёл, — говорю я.

Криминалист поднимает камеру. Ирина не смотрит на пол, смотрит на меня.

— Почему?

— На жетоне синее волокно с рубашки. Такое же может остаться на шероховатой поверхности или у замка. И графит

в углублениях. Новые ячейки обслуживают сухой смазкой, старые механические — обычным графитом.

— Старые через две двери, — говорит Трошина. — Там замки графитим, да. И ступенька такая одна.

Мы спускаемся. Над следующей дверью горит красный огонёк камеры.

— Она работает? — спрашивает Ирина.

— Эта да, — отвечает капитан. — Запись за вчера уже поднимают.

Я знаю, что Денис не проходил под ней. Память толкает вправо, к тележкам, затем к узкому промежутку между грузовым лифтом и колонной. Там нет двери, только металлическая панель с предупреждением о высоком напряжении.

— Он пошёл в обход, — говорю я.

— Там тупик, — возражает Трошина.

Макс смотрит на панель и усмехается.

— В морге тоже был тупик.

За тележками находится сервисный проход шириной в плечи. Замок на сетчатой створке сорван давно; свежих следов нет, зато к сетке прилипло синее волокно. Криминалист снимает его и спрашивает, откуда мне известен путь. Ирина отвечает, что направление восстановлено по совокупности данных — фраза достаточно широкая для графита и мёртвого курьера у меня в голове.

За колонной возвращается внутренний холод. Я прижимаю ладонь к стене; шероховатая краска становится пласти-

ком жетона. Женщина объявляет поезд номер сто сорок два. Денис ждёт, пока пассажиры уйдут, дважды меняет направление, проверяет мужчину в красной кепке и спускается сюда. В правом кармане телефон, в левом сложенный лист. Чёрный накопитель остаётся при нём — пустой корпус с грузом для того, кто будет обыскивать тело.

Я открываю глаза. Ладонь соскальзывает со стены, Ирина ловит меня за локоть. На этот раз провала нет: я помню имя, город, адрес и Надю. Зато температура падает мгновенно. Воздух вокруг кажется горячим, а зубы уже стучат.

ОСТАТОЧНЫЙ МАРШРУТ: ВОССТАНОВЛЕН.

ТОЧКА ПЕРЕДАЧИ: СЕКЦИЯ В, ЯЧЕЙКА 47.

— Секция В, — произношу я. — Сорок семь. Он оставил телефон и бумагу. Накопитель, который был при нём, пустой.

Капитан транспортной полиции перестаёт изображать, что не слышит странностей.

— Это вы откуда сейчас взяли?

— Из той же совокупности, — отвечает Ирина. — Зафиксируйте, что эксперт указал секцию до предъявления журнала и открытия ячейки.

Она набрасывает мне на плечи пиджак. Макс протягивает левой рукой заранее купленную бутылку сладкого чая. Молодые специалисты иногда учатся быстрее, чем хочется признавать.

Секция В находится за следующей дверью. Сорок седьмая

ячейка — внизу, у пола; замочная скважина исцарапана, вокруг сереет графит.

Изломы жетона и контрольной половины совпадают. Криминалист снимает пломбу и замок, Ирина диктует время и фамилии. Всё идёт медленно и именно поэтому правильно. Денис добрался сюда один, а мы оставляем подпись на каждом движении.

Ключ поворачивается туго. Трошина тянет дверцу на себя. Внутри нет сумки. На голом металлическом дне лежит серый кнопочный телефон, рядом батарея в отдельном полиэтиленовом пакете и белый конверт, сложенный пополам. Под конвертом — дешёвые проводные наушники. Больше ничего.

— Руками не трогаем, — одновременно говорим мы с Ириной.

Макс смотрит на меня.

— Ужас. Вы начинаете говорить одинаково.

— Это от дыма, — отвечает она.

Криминалист фотографирует телефон, снимает следы с дверцы и конверта, отдельно упаковывает батарею. Камера мобильного заклеена изолентой. При боковом свете на конверте проступают два продавленных слова: «если успею».

После снятия отпечатков Ирина разрешает вскрыть конверт. На сложенном вчетверо листе без заголовка напечатаны фамилии:

Денис Кротов. Лев Самарин. Тимур Агеев. Яна Белова.

Михаил Ратников. Константин Бельский. Павел Громов.

Свою фамилию я вижу последней и сначала думаю, что так сработал взгляд: человек всегда быстрее находит знакомое. Потом замечаю тонкую серую линию, идущую от Кротова вниз, к Самарину, как царапина на бумаге. Она обрывается между строками. Криминалист наклоняет лист — линия исчезает. Значит, видна только мне.

— Семеро, — говорит Макс. — Кротов уже...

Он не заканчивает. В присутствии людей, которые не видели холодильную дверцу, трудно подобрать нейтральный глагол.

Ирина передаёт фамилии на проверку. Тимур Агеев — тренер бокса, Яна Белова — реанимационная медсестра, Михаил Ратников — специалист по фонетике, Константин Бельский временно зарегистрирован при «Мнемосе». Лев Самарин — пятьдесят два года, мастер аварийного вскрытия замков, жив, приводов нет.

— «Жив» здесь звучит как профессия, — произносит Макс.

— Не каркай, — говорит Трошина и крестится быстрым движением, думая, что никто не заметил.

Ирина просит оперативника установить местонахождение каждого, но начинает с Самарина. Причина очевидна даже без чужой нити: его фамилия стоит следующей после мёртвого. Телефон Льва зарегистрирован в сети, вызов идёт, ответа нет. В мастерской автоответчик сообщает, что аварий-

ные заявки принимаются круглосуточно, и предлагает оставить адрес запертой двери. Домашний номер молчит.

— Сначала телефон, — говорит Ирина. — Там может быть объяснение последовательности.

Мы выходим из камеры хранения в служебную комнату транспортной полиции. За спиной Трошина запирает секцию. Я слышу щелчок, оборачиваюсь и вижу ключи у неё на поясе. Два шага. Привычка Дениса не ослабевает после найденного тайника. Наоборот, будто маршрут закончился, а тело продолжает искать следующий.

Контакты батареи заклеены полоской бумаги: «Снять после 08:00». К этому времени Денис рассчитывал либо вернуться, либо уже не суметь. Криминалист снимает полоску и устанавливает батарею; Макс левой рукой подключает телефон к изолированному блоку.

Телефон загружается без сим-карты. Пароля нет. На экране три значка: диктофон, файлы и часы. Журнал вызовов пуст, контактов нет, заводской браузер ни разу не запускали. В памяти один аудиофайл длиной семь минут сорок одна секунда и фотография листа с теми же семью фамилиями. Метаданные показывают время создания — вчера, шестнадцать двадцать три. Через час тридцать пять минут Денис вошёл в «Мнемос».

Ирина просит всех назвать время, включает запись процессуального действия и только затем разрешает воспроизведение. Макс подключает наушники к маленькой колонке из криминалистического чемодана. Первые девять секунд слышно только вокзал: колёса чемодана на плитке, кашель, объявление о поезде номер сто сорок два. Потом Денис начинает говорить.

Голос не похож на тот, которым он пользовался через Макса. Там осталась одна необходимость — бежать и забрать карту. Здесь человек жив, напуган и раздражён собственным страхом. Он говорит негромко, сбивается, однажды замолкает так надолго, что я слышу, как ногтем царапает корпус телефона.

«Меня зовут Денис Андреевич Кротов. Если запись слушает следователь, время на вокзале и камеры подтвердят, что я сделал её сам. Если слушает Павел Громов... Значит, расчёт был правильный хотя бы наполовину».

Ирина ставит паузу и смотрит на меня.

— Он тебя знал.

— Моё имя было у них на стене.

— Не ответ.

— Другого пока нет.

Она запускает запись.

«Я работал курьером в “Мнемосе”. Официально уволился в мае. На самом деле меня перевели на временные карты, чтобы в журналах клиники не было постоянного сотрудни-

ка. Я возил контейнеры между главным корпусом и лабораторией. Сначала думал — образцы после процедур. Потом один контейнер заговорил голосом женщины, которую я видел живой за неделю до этого. Это звучит как бред. Я знаю. Я сам полгода называл бредом всё, что слышал».

На заднем плане записи проходит состав. Грохот на несколько секунд забивает слова. Денис ждёт и продолжает уже быстрее.

«Они называют это следом, эхом, функцией — как угодно, лишь бы не человеком. Люди подписывают согласие отдать навык после естественной смерти. После. Не завтра, не когда клинике станет удобно. Бумаги я спрятал не здесь. Здесь только список и то, что успел записать. Если я не выйду, ищите следующего. Лев Самарин. Мастер по замкам. Он жив. Сегодня в четырнадцать десять звонил мне и ругался, что “Мнемос” перенёс осмотр на утро. Он не понял, что это не осмотр».

Ирина снова останавливает воспроизведение. На часах десять тридцать семь. Она уже набирает оперативника, требует немедленную проверку адреса Самарина и отдельно предупреждает не входить в квартиру без понятых и видеозаписи, если нет угрозы жизни. С той стороны отвечают дольше, чем ей нравится.

— Телефон последний раз был в сети в восемь двенадцать, — сообщает она нам. — Домашний. В девять ноль пять с его номера приняли заявку на вскрытие автомобиля.

Клиент подтвердил: Самарин обещал приехать к десяти, не приехал.

— Значит, утром был жив, — говорит капитан.

— Значит, его телефон был включён, — поправляю я.

Ирина продолжает запись.

Денис тяжело выдыхает. «Я не первый, кто это увидел. И, наверное, не первый, кто пытался вынести. Но я первый, чьи показания должны дойти вместе с телом. Они сами так говорят: тело подтверждает способ изъятия лучше любого файла. Поэтому я — свидетель номер ноль. Нулевого всё равно сначала вскроют, потом начнут слушать».

Макс опускает глаза. Шутка Дениса слишком похожа на мою, только у него не осталось возможности решить, удачная ли.

«Если вы нашли пустой чёрный накопитель, не тратьте время. Он из старого брелока, внутри две гайки. Настоящего накопителя нет. Мне не доверяли данные целиком. Я складывал их кусками в разных местах. Список — не пациенты и не сотрудники. Это детали. Путь, ключ, защита, жизнь, имя... Дальше не знаю. Они собирают человека из людей, как будто те запасные части. Не дайте. Даже если кто-то из списка подписал бумагу, он не подписывал собственную смерть».

Следующая фраза начинается не сразу. Денис меняет положение, ткань рубашки шуршит по микрофону.

«Павел Алексеевич, если это вы. Ваш отец говорил, что

мёртвый может быть свидетелем, но не вещью. Я не знаю, откуда он знал. В архиве есть его фамилия. Мне нужен был эксперт, который не отдаст тело по звонку. Про вас сказали, что вы однажды уже отказались. Ещё сказали, что после этого вас можно не уговаривать — достаточно сделать так, чтобы вы разозлились. Извините».

Я слышу, как Макс коротко втягивает воздух. Ирина не ставит паузу. Возможно, понимает, что если остановит сейчас, я найду причину не продолжать.

«Я спрятал список, позвонил Самарину и вернулся за журналом. Если не успел — начинайте с него. И не верьте человеку, который будет знать движения раньше вас. Он один, но говорит не один. Я слышал внутри четырёх. Один просил меня бежать».

Денис не успевает договорить. Кто-то объявляет посадку, он торопливо шепчет «идёт» и выключает диктофон. На последних двух секундах слышны шаги рядом — размеренные, без спешки. Возможно, случайный пассажир. Возможно, человек, которого Денис проверял по отражениям.

В комнате никто не говорит. За стеной вокзал продолжает жить так, будто семь минут чужого голоса не изменили ничего: звенит рамка досмотра, ребёнок просит мороженое, по громкой связи переносят отправление электрички. У обычной жизни огромный опыт не замечать чужих катастроф.

Фамилия отца осталась только в записи, но от неё холоднее, чем от маршрута. Алексей Григорьевич умер пять лет

назад от инфаркта. Я настоял на исследовании и не нашёл ничего подозрительного. После похорон разобрал его кабинет: книги, протоколы, фотографии и халат, который Надя не дала выбросить из-за запаха табака. Архива о слышащих мёртвых не было.

— Он знал твоего отца? — спрашивает Ирина.

— Не знаю. Денису тридцать пять. Когда отец ещё работал, он мог приходить в бюро курьером, но я бы запомнил фамилию.

— Ты не всё помнишь, — тихо говорит Макс.

От него эти слова больнее, потому что не являются упрёком. Я смотрю на салфетку с адресом, затем на список. Семь фамилий помещаются на половине листа, и одна моя. Физически это обычный тонер на обычной бумаге. Никакого объяснения, почему между Кротовым и Самариным я вижу серую нить, а рядом с собственным именем будто оставлено место для даты.

Ирина просит криминалиста сделать три копии файла, посчитать контрольные суммы и упаковать телефон. В её действиях нет мистики: файл должен пережить адвокатов, случайно сгоревший компьютер и очередного человека, который решит, что уважаемая клиника важнее голоса мёртвого курьера. Макс помогает одной рукой, диктует цифры и дважды сбивается. На третий раз начинает сначала, не оправдываясь.

Телефон Ирины вибрирует. Она слушает, записывает ад-

рес и задаёт один вопрос:

— Дверь закрыта изнутри или просто заперта?

Ответ заставляет её выпрямиться.

— Ничего не вскрывать до нас. Соседей отведите. Наряд оставьте у окон и чёрного хода. Мы будем через пятнадцать минут.

Она заканчивает вызов.

— У Самарина никто не отвечает. Металлическая дверь закрыта на два замка, верхний изнутри на поворотную рукоять. Цепочка наброшена. Телефон звонит в квартире. Через окно кухни видно человека на полу.

Макс поднимается слишком быстро, бледнеет и хватается левой рукой за стол.

— Я еду.

— Ты возвращаешься в больницу, — говорит Ирина.

— В списке он второй. Если там то же, что с Денисом, вам нужен человек, который видел буквы.

— Мне нужен лаборант с двумя рабочими руками, а не герой с одной.

— Тогда вам вообще не повезло с составом группы, — говорю я.

Ирина смотрит на нас по очереди. В её лице на секунду появляется желание запереть обоих в вокзальной ячейке и сдать жетон Трошиной. Потом она забирает пакет со списком, велит капитану обеспечить охрану телефона и улик, а Макс — сесть сзади и пристегнуться так, чтобы ремень не

шёл по плечу.

Мы выходим через главный зал. Я снова выбираю место у края рамки, откуда вижу оба прохода. В стеклянных дверях отражаются люди, и среди них постоянно мерещится тёмный костюм без галстука. Ни одного лица я не узнаю. Это не означает, что нужного нет.

Лев Самарин живёт в пятиэтажном кирпичном доме возле старого трамвайного депо. Двор забит машинами так плотно, что служебная «Шкода» остаётся у мусорных контейнеров. До подъезда идём пешком. Макс выходит последним, прижимает повязку к груди и не шутит — обезболивающее заканчивается. Ирина велит ему ждать в машине. Он обещает, потом закрывает дверь и через десять секунд идёт за нами на расстоянии, считая это формальным соблюдением распоряжения.

У подъезда стоят два патрульных и женщина в цветастом халате поверх спортивного костюма. Она представляется Валентиной Петровной, соседкой с лестничной площадки, и сразу сообщает, что Лев Михайлович человек непьющий, спокойный и дверь себе ставил сам. Последнее произносит с гордостью, будто лично участвовала в металлургическом процессе.

— Когда видели его? — спрашивает Ирина на ходу.

— Сегодня утром. Без четверти девять, может, чуть раньше. Я мусор выносила, он спускался. Поздоровался. Сумка чёрная, куртка серая. Сказал, на срочный вызов.

— Лицо хорошо видели?

— А что я, соседа не узнаю? Он мне в прошлом году замок менял. Лев Михайлович и был.

На третьем этаже пахнет кошачьим наполнителем, жареным луком и свежей металлической стружкой. Дверь Самарина отличается от остальных: тёмно-серая, без наружных петель, коробка утоплена в стену. В верхней части глазок с широкой линзой, ниже две скважины разных систем. Цепочку через щель не видно, но патрульный показывает запись с эндоскопа: стальная планка действительно заведена изнутри. Верхний замок имеет внутренний поворотник без наружного цилиндра. Закрыть его ключом с лестницы нельзя.

— Окна? — спрашивает Ирина.

— Кухня во двор, форточка закрыта. Балкон застеклён, — отвечает сержант. — Пожарных вызвали. Через соседний балкон попробуют.

Из квартиры доносится телефонный звонок. Старый эстрадный проигрыш повторяется четыре раза и смолкает. На площадке все слушают его так, будто хозяин ещё может подойти. Потом вызов начинается снова — оперативник проверяет номер.

Я стою у двери и чувствую не холод, а неправильную тишину за металлом. Квартиры никогда не молчат полностью:

холодильник включает компрессор, вода ходит по трубам, мебель принимает вес дома. Здесь всё это есть, но поверх лежит ещё одно отсутствие, знакомое по секционной. Человек находится в нескольких метрах и уже не участвует ни в одном звуке.

— Время смерти по телефону определишь? — спрашивает Ирина тихо, чтобы соседка не услышала.

— Телефон умеет только подтверждать, что батарея заряжена. Надо войти.

Пока ждём пожарных, Данилова опрашивает Валентину Петровну подробнее. Самарин жил один, жена умерла семь лет назад, сын в другом городе. Последние две недели к нему приезжала машина из частной клиники — белая, с серебряной спиралью на борту. Лев говорил, что участвует в исследовании слуха: в его профессии важно различать работу механизма. Вчера вечером вернулся около десяти, нёс плоскую синюю папку. Утром, по словам соседки, вышел без неё.

— Вернулся потом? — спрашивает Ирина.

— Я после девяти дома была. Не слышала. Но он тихо ходит. Только замки всегда проверяет: два раза нижний, один верхний. Щёлк-щёлк, потом ещё щёлк. Я по этому и знаю, когда он пришёл.

Макс, стоящий у лестницы, машинально повторяет пальцами три движения. Замечает и убирает руку в карман. Он всего лишь услышал ритм, но теперь к замкам прислушиваемся мы оба.

Пожарные поднимаются без сирены. Один остаётся на площадке, двое проходят в соседнюю квартиру и перебираются на балкон Самарина. Через несколько минут с улицы кричат, что балконная дверь закрыта изнутри и придётся разбить стекло. Ирина даёт разрешение после видеозаписи. Звон короткий, потом хруст рамы. Валентина Петровна вздрагивает сильнее, чем от новости о человеке на полу.

Из квартиры слышны шаги пожарного. Он называет себя, предупреждает, что вошёл, и почти сразу замолкает. Затем говорит уже другим голосом — служебным, без интонации: — Мужчина без сознания. Признаков дыхания не вижу. Медиков сюда.

Скорая ждёт во дворе. Фельдшер и врач поднимаются бегом, пожарный открывает балконную дверь изнутри, но входную не трогает. Им приходится пройти тем же путём через соседей. Мы ждём на площадке. Телефон звонит третий раз и обрывается на середине мелодии.

Через четыре минуты врач выходит к балкону и передаёт по рации: смерть наступила несколько часов назад, реанимация не показана. Слова доходят до нас с металлическим шорохом динамика. Валентина Петровна садится на ступень и начинает повторять, что видела Льва утром, он поздоровался, у него была чёрная сумка. Ирина просит сержанта ответить её вниз и не задавать больше вопросов без записи.

Пожарный подходит к двери изнутри. На видео видно, как он сначала снимает цепочку, потом поворачивает верхнюю

рукоять, затем открывает нижний замок. Три отдельных движения. Полотно отходит без усилия.

Квартира пахнет машинным маслом, пылью и чем-то сладковатым, медицинским. В прихожей аккуратно стоят ботинки, на стене висят десятки ключей с бумажными бирками. В конце короткого коридора, возле входа в мастерскую, лежит мужчина в домашней футболке и брюках. Лица отсюда не видно. Правая рука вытянута к двери, пальцы согнуты так, словно до последней секунды пытались повернуть невидимый ключ.

Ирина перегораживает мне проход ладонью.

— До криминалистов неходишь.

— Не вхожу.

На этот раз я не нарушаю. С порога отмечаю доступное: входная дверь действительно была заперта изнутри, балкон и окно кухни тоже; следов борьбы в коридоре нет; телефон лежит экраном вверх у правой ноги; возле уха Самарина кожа чистая, насколько позволяет расстояние. Над телом не появляется текста. Либо я слишком далеко, либо мёртвый ещё не согласился стать свидетелем.

Из мастерской за стеной доносится негромкий металлический щелчок. Один, пауза, ещё два. Пожарный оборачивается, Ирина кладёт руку на кобуру. Никого там быть не может: окно закрыто, комната просматривается до верстака, дверь одна. Щелчки повторяются в другом порядке — два быстрых, один медленный, словно кто-то с той стороны тер-

пеливо подбирает комбинацию.

Макс подходит ближе и шепчет:

— Соседка сказала наоборот. Два нижний, один верхний.

Я смотрю на неподвижные пальцы Самарина. На подушечках кожа стёрта до красноты, ногти обломаны, хотя замки в квартире целы. Он продолжал вскрывать что-то уже после того, как перед руками не осталось ни ключа, ни скважины.

За моей спиной пожарный тянет входную дверь на себя, проверяя свободный ход. Затем снова закрывает её, но верхний поворотник не трогает. Я всё равно слышу три щелчка — теперь совсем рядом, изнутри металла. Простая запертая квартира перестаёт быть загадкой про ключи. Кто-то унёс из неё мастера, оставив тело и привычку доводить работу до конца.

Глава 5. Живой покойник

Криминалисты входят в квартиру Самарина через двадцать семь минут после пожарных, и всё это время замки продолжают щёлкать. Не непрерывно — так было бы проще списать звук на остывающий металл или сквозняк из разбитого балконного стекла. Серии всякий раз разные: два у верстака, один в прихожей, короткая дробь внутри двери мастерской. Между ними холодильник вздыхает на кухне, по стояку спускают воду, потом что-то за стеной пробует следующую комбинацию.

Ирина записывает каждый эпизод по времени. На четвёртом перестаёт спрашивать пожарных, не касались ли они инструментов, и велит криминалисту снять звук отдельным микрофоном.

— Порог не пересекаешь, — напоминает Ирина, когда эксперт в белом комбинезоне раскладывает номерки. Она замечает мою ладонь на дверной коробке и отводит за запястье. Через перчатку пальцы успели нащупать зазор под накладкой; после сухого поворота внутри металла большой палец сам упёрся в край, а указательный начал искать точку давления. На Дениса это не похоже: тот искал выходы, здесь мне хочется понять замок. Макс, допущенный на площадку с правой рукой в косынке, переводит камеру на мою ладонь.

— Ничего не трогал, — говорю я.

— Сниму на будущее. В прошлый раз ваше «ничего» закончилось пожаром.

Эксперт-криминалист заканчивает общий обзор, и только после этого мы расписываемся в журнале входа и идём по дорожке из крафтовой бумаги. В прихожей тесно от людей, бирок и ключей. На стене их больше сотни: английские, крестовые, плоские с дорожками; возле каждого дата и два-три слова — «Космонавтов, гараж», «Не повторять, перекося рамы». Самарин хранил образцы и собственные ошибки.

Лежит он на левом боку, головой к мастерской. Футболка задралась на пояснице, левую ногу придавило правой, будто он повернулся уже во время падения. Правая рука вытянута вперёд; между пальцами и порогом мастерской остаётся сантиметров сорок. Телефон у пятки, экран разбит не от удара — по старой трещине успела набиться грязь. На тумбе в прихожей стоит открытый флакон нитроспрея. Всё аккуратно расставлено для человека с больным сердцем: схватился за грудь, потянулся за лекарством, не успел.

Я присаживаюсь у тела, не касаясь. Мужчине действительно около пятидесяти. Волосы короткие, седые у висков, щетина суточная. Кожа лица бледная с синюшностью губ; на левой щеке — участок контактного побледнения от пола. Трупные пятна видны по задней поверхности шеи и в поясничной области, тёмно-фиолетовые, при надавливании почти не меняются. Окоченение хорошо выражено в жевательных мышцах, шее и руках, начинается в ногах. Комнатный

термометр над верстаком показывает двадцать три и восемь.

— Когда соседка его видела? — спрашивает криминалист, готовя электронный термометр.

— Между восемью сорока и восемью пятьюдесятью, — отвечает Ирина. — Пока это свидетельские показания, а не факт.

— Правильно, — говорю я. — Потому что этот мужчина в восемь сорок пять никуда не спускался.

Криминалист поднимает голову.

— Даже температуру не измерили.

— Она уточнит интервал, но не вернёт ему утро. Пятна уже фиксированы, окоченение прошло верхнюю половину тела, роговицы подсохли при открытой глазной щели. Он умер ночью.

— Насколько ночью?

— После измерений скажу диапазон. Если хочешь минуту и секунду, спроси у убийцы.

Ирина бросает на меня короткий взгляд. Раньше она одёрнула бы за слово «убийца». Сейчас только просит криминалиста продолжать. Ректальная температура — двадцать девять и семь. Мы фиксируем температуру воздуха, одежду, положение тела, состояние окон и отопления. Дом старый, батареи горячие; балкон был закрыт до того, как пожарные выбили стекло. С поправкой на условия получается широкий, но достаточный интервал: смерть наступила примерно семь-девять часов назад. Сейчас одиннадцать сорок три.

— От двух сорока до четырёх сорока, — диктует Ирина.

— Я бы оставил от двух до пяти, — говорю я. — На месте точнее будет враньё с десятичной запятой.

Макс перестаёт снимать и смотрит на закрытую входную дверь. Валентина Петровна видела соседа почти через четыре часа после верхней границы интервала. Телефон Самарина включился в восемь двенадцать, а в девять ноль пять с него приняли заказ. Мёртвые иногда звонят — мне ли не знать, — но обычно им требуется живой посредник.

Врач скорой протягивает Ирине карту выезда. У Самарина ишемическая болезнь сердца, два года назад был острый коронарный синдром без инфаркта, рекомендованы наблюдение и нитраты при боли. Сведения взяты из городской базы. Медик показывает на флакон у тумбы и едва заметно пожимает плечами.

— Похоже на сердце, — говорит он. — Без ЭКГ и анализов при жизни всё равно предположение.

— Похоже, — соглашаюсь я.

Он ждёт продолжения. Самарину пятьдесят два, он курил, пользовался нитроглицеринем и умер без видимой раны. Без Дениса, списка и утреннего двойника его увезли бы с предварительным диагнозом «внезапная коронарная смерть». В карте для этого уже хватало оснований.

Я осматриваю голову. За правым ухом нет красного пятна, как у Дениса, сосцевидная область чистая. За левым — круглый участок кожи диаметром с рублёвую монету, слегка

липкий. При косом свете виден блеск прозрачного состава. Криминалист берёт смыв и прижимает рядом масштабную линейку. Прокола нет. Запах сладковатый, больничный, тот самый, который тянулся по коридору: не антисептик, скорее клей от медицинского электрода.

— Датчик? — спрашивает Макс.

— Или наклейка от ценника, — отвечаю я. — Пока это липкое пятно.

Руки Самарина не позволяют такой роскоши. Подушечки большого и указательного пальцев справа стёрты до сосочкового слоя; на среднем — свежая трещина, в ней подсохшая кровь. Слева повреждения слабее, но тоже прижизненные. Под ногтями нет древесины, краски или графита, только кровь и сероватая пыль, которую забирают отдельно. На коже — узкие поперечные полосы, будто он снова и снова удерживал тонкий стальной инструмент. Ладонные мышцы плотные даже с учётом окоченения, сухожилия сгибателей напряжены. Я осторожно разгибаю указательный палец. Он возвращается не одним движением, а мелкими ступенями.

Из мастерской отвечает замок: пять быстрых щелчков и один тихий.

Макс ругается шёпотом. Криминалист оборачивается к верстаку. На нём лежат четыре разрезанных учебных цилиндра, чтобы были видны штифты и пружины. Ни к одному не подведено питание, рядом нет рук. В крайнем левом цилиндре подпрыгивает латунный штифт. Только один раз. Каме-

ра успевает снять уже неподвижный металл.

— Дом старый, пол гуляет, — говорит эксперт после паузы.

— Конечно, — отвечает Ирина. — Поэтому не снимай камеру с верстака.

Я меняю перчатки и беру ладонь Самарина снизу, за неповреждённый участок запястья. Холод приходит не с кожи. Он поднимается вдоль моих пальцев, входит в локоть и остаётся навливаясь под ключицей, словно там заранее оставили свободное место. Над телом проступает белый текст.

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ САМАРИН. 52 ГОДА.

ФИЗИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА СМЕРТИ: НЕ УСТАНОВЛЕНА.

ЭХО РАЗДЕЛЕНО ПРИ ЖИЗНИ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НАВЫК: ИЗЪЯТ.

ИМЯ: УДЕРЖИВАЕТСЯ В ТЕЛЕ.

Надпись не расплывается, как у Дениса перед выходом Недожившего. Наоборот, буквы будто впечатаны в воздух слишком глубоко. За ними я вижу тёмный узел в груди Самарина — не нить и не рану, а замкнутую петлю. Что-то осталось внутри и не может ни заговорить, ни выйти. Имя заперто в собственном теле. Для мастера замков это звучало бы дурной профессиональной шуткой, если бы он мог её услышать.

Последняя строка возникает ниже остальных.

РЕКОНСТРУКЦИЯ НЕДОСТУПНА: НЕ УСТА-

НОВЛЕН СПОСОБ ИЗЪЯТИЯ.

— Павел, — говорит Ирина.

Я моргаю. Её пальцы уже лежат на моём предплечье, но холода она не чувствует: держит крепко, не вздрагивает. Макс снимает меня, забыв о верстаке.

— Имя верное. Причины смерти нет. Эхо разделили, пока он был жив, профессиональный навык изъят. Остальное осталось в теле и не может выйти. Реконструкция не открывается, пока я не пойму, как это сделали.

— «Навык» — это что именно?

Я смотрю на повреждённые пальцы.

— То, за что ему платили. Тонкая моторика, слух, память руки. Может быть, всё вместе.

— И теперь оно где-то отдельно?

— Да.

— В человеке, который вышел отсюда утром?

— Это уже версия.

Ирина отпускает мою руку, но не потому, что успокоилась. На лестничной площадке она требовала от меня не говорить невозможное как установленный факт. Теперь сама доводит мысль дальше, чем позволяют улики, и злится на это.

— Запиши дословно всё, что он сказал, — велит она Максиму. — Отдельно от протокола осмотра. В официальный внесём наблюдаемые признаки и результаты исследования.

— А про имя?

— Пока — в мою служебную записку.

Макс возится с телефоном левой рукой. Большой палец у него плохо достаёт до клавиш, и он дважды роняет аппарат на ремень повязки. Я собираюсь помочь, но пальцы Самарины остаются у меня перед глазами. Повреждения распределены неправильно для одной ночной работы: свежие ссадины лежат поверх старых мозолей, мышцы не просто напряжены — они истощены серией одинаковых движений. Если его заставили вскрывать замки, в квартире должны остаться стружка, смазка, следы отмычек, хотя бы кровь на металле. Криминалист уже проверяет инструменты люминолом и не находит ничего.

— Чем можно шесть часов открывать замки и не открыть ни одного? — спрашивает Макс.

— Воздухом, — отвечает Ирина.

В мастерской снова щёлкает учебный цилиндр. На этот раз камера направлена точно на него. Верхний штифт поднимается, за ним второй, третий; поворотная часть сдвигается на несколько градусов и возвращается. Никто не касается стола. Пол не вибрирует — криминалист ставит рядом стакан с водой, поверхность остаётся ровной.

Ирина подходит ближе, не переступая линию, которой уже отмечены следы обуви.

— Это ты делаешь?

— Нет.

— Самарин?

— То, что от него осталось.

Она смотрит сначала на цилиндр, потом на неподвижную кисть у моих колен. Пальцы мертвеца не двигаются. Двигается лишь латунь в разрезанном корпусе, повторяя работу невидимой отмычки. В третий раз цилиндр поворачивается дальше. Маленький язычок замка выходит из паза.

Криминалист произносит очень нехорошее слово и проверяет нижнюю сторону верстака. Ирина просит его ничего не объяснять, пока запись не скопирована в трёх экземплярах. Потом присаживается рядом со мной и говорит негромко:

— Ты это видел раньше?

— Щелчки — с порога. Чтобы замок открылся сам — нет.

— Буквы я по-прежнему не вижу.

— Я тоже не вижу твоих служебных инструкций. Но уверен, что они существуют.

— Не шути.

Я смотрю на её лицо. Ирина бледнее, чем в горящем море, хотя здесь нечем отравиться и есть три выхода, если считать балкон. Ей было проще допустить мою болезнь, сговор с Денисом или удачную догадку. Латунный цилиндр не оставляет ей удобного виноватого.

— Я не знаю, почему это работает, — говорю я. — Не знаю, кто составил Протокол и почему он выбрал меня. Знаю только, что Денис умер от повреждения, которого нет в учебниках, а у Самарина вырезали часть того, что делало его им.

Если начну придумывать объяснения быстрее фактов, остави.

— Остановлю. Теперь ответь на вопрос, который ты пропустил. Это может причинить вред живому?

Я вспоминаю Макса у холодильника, чужую руку на его шею и голос Дениса из лёгких, которые уже не дышали.

— Да.

Ирина встаёт.

— Тогда все учебные замки упаковать отдельно. Тело — в областное бюро под охраной. Никого не оставлять в квартире одного. И найдите мне человека, который вышел отсюда утром.

Камера над подъездом принадлежит жильцу второго этажа, давно воюющему с водителями на газоне. Хозяин уехал на дачу, но после звонка Ирины разрешает участковому забрать регистратор. Вместе с ним отправляют Макса: с одной рукой он всё равно полезнее при выгрузке, чем половина присутствующих с двумя.

В квартире Самарина продолжается поиск. В шкафу висят две старые серые куртки, но повседневной, с потёртым левым карманом на недавней фотографии, нет. Из трёх чёрных рабочих сумок пропала одна: по словам соседки, утром он нёс жёсткий прямоугольный кофр. В прихожей нет и уличной обуви сорок третьего размера, хотя возле тела Самарин босой. На подошвах носков ни пыли, ни влаги, ни следов лестницы. Обувь, куртку и сумку унесли вместе с его утром.

Телефон лежит у ноги не случайно. Последний исходящий вызов сделан вчера в двадцать два семнадцать Денису Кротову и продолжался сорок восемь секунд. После — четыре входящих с неопределённого номера, все пропущены. В два двадцать шесть Самарин открыл приложение клиники «Мнемос», в два двадцать семь экран погас. Утром аппарат разблокировали в восемь двенадцать отпечатком пальца и включили удалённый доступ. В девять ноль пять служебное приложение само соединилось с клиентом; экран не загорелся, однако голос Самарина подтвердил выезд.

— Палец приложить могли уже после смерти, — говорит Ирина, глядя на журнал событий.

— Могли. Удалённый доступ настроили здесь, потом оставили аппарат как ретранслятор.

— Вернулись?

Я смотрю на запёртую изнутри дверь, разбитый балкон и единственную полосу чистого пола, по которой мы ходим.

— Нет. В восемь двенадцать он ещё был здесь: держал мёртвую руку на датчике и готовил звонок, который должен был состояться после ухода.

Ирина молча просматривает ещё раз время. Её не пугает образ; пугает, что он складывается без допущений.

Синюю папку находят на кухне за двойной стенкой выдвижного ящика. Тайник выдаёт свежая царапина возле винта; крестовая отвёртка лежит рядом. Самарин рассчитывал выиграть несколько минут, не больше.

Внутри — результаты аудиометрии, тесты моторики, счёт со скидкой сто процентов и договор «О добровольном посмертном предоставлении индивидуального профессионального паттерна». Самарин подписал его одиннадцать месяцев назад; от клиники стоят подпись Олега Марковича Карелина и печать «Мнемоса».

Юридический язык старается не называть предмет договора человеком. «Сенсомоторный комплекс», «уникальная компетенция», «материал для восстановления утраченных функций». Самарин разрешает снять и использовать профессиональный паттерн после биологической смерти при условии, что причина смерти установлена независимым государственным экспертом. Отдельный пункт запрещает вмешательства, сокращающие жизнь участника. Ниже его рукой приписано: «Только после смерти. При жизни любые процедуры прекращаю по первому требованию». Возле приписки подпись врача и дата.

— Они даже согласились, — говорит криминалист.

— На бумаге, — отвечает Ирина.

В информационном листке обещают помогать пациентам после инсульта возвращать тонкие движения, а за участие клиника бесплатно обследовала сердце Самарина и оплатила страховой взнос. Он мог считать сделку честной — пока условие «после смерти» что-то значило.

На обороте последней страницы вдавлены четыре строки. Графитовый порошок и косой свет проявляют запись, остав-

ленную на листе, который лежал сверху:

«Денис прав. Они не ждут».

«Осмотр перенесли на 02:30».

«Экз. 1 — там, где не слышно третий щелчок».

«Если придут — тянуть время».

— Этот второй экземпляр? — спрашивает Макс от двери.

Он вернулся незаметно, прижимая к груди ноутбук левой рукой. Оперативник несёт сам регистратор и связку кабелей.

— На титульном листе стоит «экземпляр участника, № 2», — говорит Ирина. — Первый может быть оригиналом клиники или ещё одним экземпляром Самарина. «Там, где не слышно третий щелчок» тебе что-нибудь говорит?

— В квартире третий щелчок слышно везде, — отвечаю я.

Будто желая подтвердить, входная дверь отзывается тремя ровными ударами. Криминалист уже снял внутреннюю накладку верхнего замка. За ней нет мотора, проводов или скрытой тяги. Поворотник соединён с засовом обычным квадратным штоком. Цепочка тоже настоящая, без магнитов и фокусов. На кромке двери обнаружена свежая продольная царапина, а в уплотнителе — прозрачное волокно толщиной с волос. Этого достаточно, чтобы предположить леску или упругую пластину, но недостаточно, чтобы закрыть снаружи верхний замок, накинуть цепь и потом забрать приспособление. Самарин смог бы придумать способ. Человек, укравший его руки, — тоже.

Макс ставит ноутбук на кухонный стол. Открывать крыш-

ку одной рукой неудобно; Ирина придерживает основание, он делает вид, что так и задумано.

— Камера пишет в четыре мегапикселя, звук только у входа в подъезд. Я выгрузил с двух ночи до десяти и отдельно сделал копию исходника. В два семнадцать входит вот этот.

На экране — двор под жёлтым фонарём. Высокий мужчина в тёмном пальто проходит вдоль машин, не поднимая лица. Из-за капюшона и цифрового снега виден только подбородок. В правой руке узкий металлический кейс, в левой ничего. У двери он меняет походку: до этого ступал мягко, почти не касаясь пяткой асфальта; под камерой начинает переносить вес тяжело, по-хозяйски, и чуть прихрамывает на левую ногу.

Я видел такую смену в последних девяноста секундах Дениса. Первый шаг — танцора, второй — человека, готового ударить. Правую руку он держит возле замка неподвижно и точно, левая едва заметно дрожит.

— Он, — говорю я.

Ирина не спрашивает, кто.

— На основании?

— Движения совпадают с мужчиной из реконструкции Дениса. Лица тогда тоже не запомнил. Высокий, около тридцати пяти, коротко стриженный. В лаборатории был в тёмном костюме без галстука.

— Для ориентировки хватит, для опознания нет. Дальше. В два восемнадцать мужчина исчезает в подъезде. До

восьми сорока трёх наружу никто не выходит, если не считать двух жильцов с собакой и женщины в форме хлебокомбината. Потом дверь открывается, и на крыльцо ступает Лев Самарин.

Не похожий. Не человек того же роста в капюшоне. Самарин — с его узким лицом, седыми висками, складками возле рта. Серая куртка застёгнута до подбородка, в правой руке чёрный кофр. Он придерживает дверь Валентине Петровне, которая как раз выходит с мусорным пакетом. Та что-то говорит. Самарин отвечает, кивает в сторону её квартиры и улыбается. Камера сверху видит лицо три с половиной секунды.

— Отмотай, — прошу я.

Макс возвращает запись.

Соседка появляется внизу кадра. Человек в серой куртке ещё не смотрит на неё, но его левая рука уже поднимается к груди, готовясь придержать дверь. Слишком рано — если не знать, что Валентина Петровна всегда толкает створку мусорным пакетом, освобождая правую руку. Потом он поворачивает голову и улыбается той же половиной рта, которой настоящий Самарин улыбается на фотографии в приложении клиники. На прощание касается кармана, проверяет ключи, делает два быстрых движения пальцами и одно медленное.

— Соседка сказала, он всегда так проверял замки, — шепчет Макс.

— Она сказала это после того, как видела его утром. Он мог сделать при ней нарочно, — отвечает Ирина.

— Или делал так всегда, — говорю я. — Поэтому человек знал, что повторить.

Запись продолжается. Лжесамарин выходит за границу кадра, но не уходит со двора ещё сорок две секунды. На камере парковки видна его тень возле двери. Он приседает, ставит кофр на асфальт и работает чем-то у нижней кромки. Потом встаёт, трижды тянет ручку и уходит в сторону трамвайного депо. В походке больше нет лёгкой хромоты. На первом шаге он опять мягкий, на втором тяжёлый.

— Вот тебе и дверь изнутри, — говорит Макс.

— Пока у нас только тень снаружи, — отрезает Ирина. — Нужно найти устройство или следы, которыми его подтвердим.

Валентине Петровне показывают стоп-кадр. Она уверенно узнаёт куртку, голос и шутку Самарина: «Петровна, опять чужую жизнь спасаете?» Услышав установленный интервал смерти, соседка сердится и обвиняет наши часы. Она видела не спину и не фотографию — он держал ей дверь, простуженно говорил о срочном замке и проверил карман двумя быстрыми касаниями и одним медленным. С площадки Валентина Петровна уходит сама; возле своей двери дважды поворачивает ключ, а третий раз не решается.

Ирина смотрит на стоп-кадр. Лицо Самарина на нём чуть светлее шеи, но утренняя камера сама меняет баланс бело-

го. У левого уха проходит узкая тёмная линия, похожая на край пластыря или тень от воротника. Этого мало даже для плохой экспертизы. Зато камера подтвердила главное: после смерти Самарина его лицо, голос и привычки покинули квартиру в серой куртке.

— В «Мнемос» направляю запрос по договору, обследованиям и всем сотрудникам, входившим ночью, — говорит Ирина. — О фамилии второго человека там наверняка ничего не знают.

— Бурова узнает формулировку и поймёт, что мы нашли папку.

— Она поймёт это, когда получит постановление. Если не направлю сейчас, её адвокат потом объяснит суду, что мы придумали клинику уже после вскрытия. Невозможное тоже приходится собирать законным способом.

Криминалист упаковывает договор. Под синей обложкой обнаруживается узкая полоска плотной бумаги, задвинутая в корешок. На ней от руки написаны четыре цифры: 3—1—4—2. Не код банковской карты и не номер телефона. Самарин поставил между цифрами короткие вертикальные черты, как обозначают порядок цилиндров. Полоску изымают отдельно.

— Третий, первый, четвёртый, второй, — читает Макс. — Где у него четыре замка?

Из глубины мастерской доносится один-единственный щелчок. Не третий. Первый.

Я смотрю на закрытую дверь в дальней стене, которую до

сих пор принимал за встроенный шкаф. Ручки на ней нет. В деревянной панели расположены четыре одинаковых металлических кружка, замаскированных под крепёж. Криминалист проводит по ним магнитным порошком, но ни одного отпечатка не проявляется. Панель простукивают: за ней пустота глубиной не меньше метра.

— Вскрываем? — спрашивает оперативник.

Ирина осматривает крепления и пол у порога. На верхнем кружке виден свежий след тонкого инструмента, а сбоку из щели тянется провод к маленькому красному индикатору.

— Сначала сапёр и специалист по электронным системам, — решает она. — Самарин писал «тянуть время». Не хочу выяснять, для кого он приготовил задержку.

— Там может быть первый экземпляр договора, — говорю я.

— Может. До разрешения никто не проверяет. Квартиру опечатываем, наружное наблюдение оставляем. Вернёмся после вскрытия тела и ответа по камерам.

Слово «вернёмся» она произносит так, будто решение уже принято за нас обоих. Я не возражаю. У двери за панелью нет замочной скважины; цифры 3–1–4–2 кажутся пальцам важнее, чем голове, но что с ними делать, я не понимаю. Сжимаю ладонь, пока зуд не проходит.

Перед тем как закрыть мешок, я снова смотрю на лицо Самарина: поры, щетина, шрам над бровью, отпечаток пола на щеке. На видео оно вышло из подъезда с чужими ногами.

Подделки хватило для камеры и соседки, но двойник удержал походку лишь до края двора.

На лестнице Макс измеряет мне температуру украденным у скорой термометром. Тридцать пять и один. Ирина снимает с него куртку и протягивает мне; под ней у Макса свитер, правая рука всё равно в повязке. Я пытаюсь спорить о немедленном исследовании тела, но получаю два часа больничного наблюдения, допуск врача и требование поесть. На этот раз не ухожу тайком: в нагрудном кармане лежит салфетка с адресом и номером Нади.

За нашими спинами дверь Самарина закрывают и опечатывают. Верхний внутренний поворотник оставляют открытым, цепочку снимают, оба наружных цилиндра блокируют контрольными накладками. Когда оперативник в третий раз тянет ручку, из квартиры не доносится ни звука. Остаток словно понял, что проверяют уже не его работу.

К секционному столу меня допускают в восемь десять следующего утра. Больничный врач требует подпись под отказом от дальнейшего наблюдения, Ирина — справку с его подписью, Макс — завтрак. Побеждает Макс: он приезжает с контейнером гречки и котлетой, ставит его на стол перед журналом вскрытий и не отдаёт чистый халат, пока я не съяду хотя бы половину. Правая рука у него всё ещё в повязке,

зато шантаж левой освоен безусловно.

Самарина исследуем в малом зале, где после пожара проверили проводку и поставили временную камеру. Лунёв допустил меня как эксперта особой группы, потребовал фиксировать каждое действие, дублировать образцы и лично сообщать ему о «нетипичных явлениях». Дежурный эксперт ночью ограничился наружным осмотром и взял кровь из бедренной вены. В карте оставил: «Вероятная острая коронарная смерть. Повреждения кистей — происхождение неясно». Он хотя бы не превратил неизвестное в бытовую ссадину.

К девяти приезжает Ирина. Она приносит заверенную выгрузку с подъездной камеры и ответ «Мнемоса», составленный так быстро, что юристы наверняка не ложились. Клиника подтверждает договор, но сообщает, что процедуры посмертного копирования не проводились, Самарин был жив по данным телефонного опроса в девять ноль пять, а визит на два тридцать ночи являлся «добровольной корректировкой диагностического окна». Сотрудник, вошедший в дом в два семнадцать, клинике неизвестен.

— Они считают телефон медицинским прибором? — спрашивает Макс.

— Считаю, что нам придётся доказывать обратное, — отвечает Ирина.

Она не надевает халат и остаётся за стеклом наблюдения. На стол рядом с камерой кладут один из учебных цилиндров

в прозрачном пакете. После вчерашнего открытия его не разбирали: криминалист поставил метки на корпус и опечатал упаковку. Латунные штифты неподвижны.

Наружные повреждения подтверждают первое впечатление. На пальцах свежие ссадины давностью несколько часов, в мышцах предплечий — мелкие кровоизлияния от перегрузки, как после долгой непрерывной работы. При разрезе сгибатели темнее обычного и резко полнокровны. Человек не несколько раз попробовал замок. Он повторял одни и те же точные усилия до тех пор, пока руки не перестали слушаться.

— На месте должно быть то, обо что он их стёр, — говорит Макс, меняя кассету для образцов левой рукой.

— Забрали в кофре вместе с курткой.

Я вскрываю грудную полость. Сердце увеличено незначительно. Венечные артерии с атеросклеротическими бляшками, просвет сужен местами до сорока процентов, свежего тромба нет. На задней стенке левого желудочка старый мелкий участок кардиосклероза. Такого хватает, чтобы врач советовал носить нитроспрей, но недостаточно, чтобы без вопросов подписать сегодняшнюю смерть. Острый инфаркт в первые часы может не дать видимого очага; будут гистология и токсикология. Пока сердце выглядит больным, но не пойманным на месте преступления.

В лёгких умеренный отёк, обычный спутник финала. Запаха ядов нет, слизистые без ожогов, внутренние органы без

специфических изменений. В голове — ни кровоизлияния, ни стеклянной иглы. Под липким кругом за ухом ткани полнокровны, в центре четыре точечных участка электрического воздействия, слишком слабых для ожога и слишком правильных для случайности. Такие же прозрачные остатки находятся на обоих предплечьях под волосами. Датчики стояли на голове и руках.

Я возвращаюсь к кистям. Если «Мнемос» мог снять профессиональный навык после смерти, ему требовался не кусок мозга, а работающая связь: звук механизма, движение пальцев, узнавание сопротивления. Самарина привели к устройству живым именно потому, что мёртвая рука не демонстрирует умение. Его заставляли открывать один замок за другим, снимали ответ с нервов и мышц, пока внутри не осталось того, кто понимал щелчок.

— Способ изъятия, — произношу я.

— Что? — Ирина нажимает кнопку переговорного устройства.

— Они не вырезали навык иглой, как у Дениса. Они заставили Самарина отдать его работой. Датчики на голове и предплечьях, повторная тонкая нагрузка, часы непрерывных движений. Кофр на записи мог содержать установку.

Я кладу пальцы на его правое запястье. Белый текст появляется сразу, но теперь под прежними строками открывается новая.

СПОСОБ ИЗЪЯТИЯ: ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИС-

ТОЩЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЭХА. РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОСТУПНА.

— Открылась, — говорю я. — Последние девяносто секунд.

Ирина уже снимает часы.

— Имя, адрес, дата.

— Павел Алексеевич Громов. Мельничная, шестнадцать, квартира двадцать четыре. Десятое августа.

— Дочь?

— Надежда. В субботу я должен приехать к ней.

— Если забудешь хоть одно — прекращаем. Макс, температуру каждые тридцать секунд. Камеры работают. Начинай, когда готов.

Я медлю, пока Макс не называет температуру в первый раз. Потом кладу ладонь на холодную грудь Самарина.

Секционный зал исчезает не сразу. Сначала белая плитка темнеет, лампа над столом превращается в длинный светильник, а запах формалина смешивается с машинным маслом. Потом моя спина оказывается прижата к деревянному стулу, хотя я продолжаю стоять. Чужие руки лежат на чёрном приборе с прозрачной крышкой. Под ней четыре цилиндра, расположенные квадратом. Третий, первый, четвёртый, второй.

Пальцы Самарина вводят тонкую пластину в третий цилиндр. Он слышит пружину раньше, чем ощущает сопротивление. Надавить на две сотых сильнее, отпустить, поднять

штифт. Щелчок. В предплечьях огонь, под ногтями мокро. Он открывал эту последовательность уже тридцать два раза. Или сорок два. Счёт расплзается, остаётся только порядок.

Напротив сидит мужчина из лаборатории Дениса. Тёмный костюм сменился на пальто, рядом висит серая куртка Самарина. На столе лежит мягкая телесного цвета оболочка с седыми волосами у висков и пустыми прорезями глаз. Не целая маска — тонкая накладка от лба до подбородка. Внутренняя поверхность блестит тем же прозрачным клеем, который остался за ухом мёртвого.

— Хватит, — говорит Самарин. Голос выходит сиплым. — Я отзываю согласие. Слышишь, Арсений? При жизни отзываю.

Мужчина поднимает глаза. На первом движении шея остаётся неподвижной, как у хирурга. Потом плечи расслабляются, и он смотрит на Самарина по-стариковски, склонив голову набок.

— Процедура уже оплачена, — отвечает мягкий женский голос.

Следующая фраза звучит басом человека, привыкшего командовать:

— Откройте второй контур.

Левая рука Арсения дрожит. Он прижимает её к столу правой, и на несколько секунд лицо становится не пустым, а испуганным. Когда он говорит снова, тихий голос впервые совпадает с выражением лица:

— Не тот замок. Лев Михайлович, не открывайте.

Прибор под руками Самарина включается сам. В наушниках возникает увеличенный звук механизма — штифты грохочут, как рельсы. Датчик за ухом нагревается. Он пытается отдёргнуть руки, но пальцы продолжают работу, потому что всю жизнь именно это делали при сопротивлении: успокаивались и становились точнее. Арсений повторяет движения напротив без инструмента. Его указательный палец нажимает на воздух, большой дозирует усилие. С каждой секундой движения становятся всё больше похожи на самаринские.

Третий цилиндр открывается. Потом первый. На четвёртом сердце пропускает удар, и Самарин тянется к карману, где должен лежать нитроспрей. Карман пуст. Арсений уже надевает серую куртку. Дважды касается нижнего замка на её молнии, один раз верхнего и произносит голосом Самарина:

— Петровна, опять чужую жизнь спасаете?

На втором цилиндре рука перестаёт различать металл. Пластина скользит между пальцами, падает. Самарин слышит, что замок открыт, но больше не понимает, как это сделал. Страх приходит не от боли в груди. Его собственное умение сидит напротив и проверяет карман чужой куртки.

Он пытается назвать себя. «Лев Михайлович Самарин». Получается только первое слово. Оно ударяется о закрытую грудную клетку и остаётся внутри.

Последний щелчок совпадает с остановкой сердца.

Я возвращаюсь в секционный зал на коленях. Макс держит меня за плечи левой рукой и одновременно ругается на термометр, показывающий тридцать четыре и семь. Из носа капает кровь на маску. Пальцы правой руки согнуты вокруг несуществующей пластины; разжать их удаётся не сразу.

За стеклом Ирина смотрит не на меня. Прозрачный пакет с учебным цилиндром вздулся, будто внутри резко изменилось давление. Латунная сердцевина повернута до упора, язычок открыт. Контрольная наклейка цела, метки криминалиста совпадают. Рядом на металлической столешнице лежит ключ от комнаты наблюдения. Он медленно сдвигается на несколько миллиметров и останавливается напротив замочной скважины.

Ирина входит в зал, запирает дверь за собой и кладёт ключ в карман.

— Адрес, — говорит она.

Я отвечаю. Имя Нади тоже помню, субботу помню, собственный возраст называю со второй попытки: сначала в голове возникает пятьдесят два. Ирина не делает вид, что не заметила. Сажает меня на табурет, даёт тёплый раствор глюкозы и ждёт, пока перестанут дрожать зубы.

— Что ты видела? — спрашиваю я.

— Пакет дёрнулся. Замок открылся. Ключ поехал к двери. Камеры это записали. — Она говорит по пунктам не от холодности, а чтобы голос не сорвался. — Что видел ты?

Я рассказываю всё, включая маску, четыре голоса и ти-

хое предупреждение. Услышав имя Арсения, Ирина достаёт из папки фотографию. Мужчина тридцати четырёх лет, короткая стрижка, незапоминающееся лицо. Арсений Петрович Малин. В ответе клиники он указан в списке бывших подрядчиков по безопасности; договор расторгнут четырнадцать месяцев назад, доступ аннулирован. На снимке его правая рука лежит на колене неподвижно, левая смазана движением.

— Это он, — говорю я. — Самарин знал его по имени. Внутри минимум четыре голоса. Один пытался помочь.

Ирина убирает фотографию не в общую папку, а в прозрачный файл для ориентировки.

— До вчерашнего дня я считала, что ты либо скрываешь источник, либо болен, либо каким-то образом угадываешь детали. Сегодня я видела, как опечатанный замок открылся в пустой комнате. Это не делает твоё объяснение доказанным, но болезнь из рабочих версий убираю.

— Совсем?

— Провалы памяти и температуру оставляю. Как только начинаешь путать себя с Самариным, я снова вызываю врача. Только уже не психиатра.

Она кладёт рядом договор и кадр с утренней камеры. Я дважды перечитываю приписку «Только после смерти», потому что после реконструкции лицо Самарина над чужим воротником выглядит хуже любой раны. Цифры не меняются: процедура в два тридцать, смерть между двумя и пятью, вы-

ход из подъезда в восемь сорок три. На бумаге его умение ещё нельзя было трогать. На снимке оно уже проверяет карман серой куртки.

— Причину смерти можешь назвать? — спрашивает Ирина.

— Пока нет. У него больное сердце, но ни свежего тромба, ни видимого инфаркта. Есть электроды, перегрузка рук и извлечённое эхо. Я могу доказать каждую часть отдельно, не могу пока связать их медицинской формулировкой.

— Тогда не торопись. Нам нужен честный вывод, а не красивый.

Она звонит группе у квартиры Самарина и назначает вскрытие скрытой панели на шестнадцать часов, после прибытия сапёра и специалиста по замкам. Просит усилить наружный пост: имя Арсения ушло в розыск, запрос в «Мнемос» уже получен, значит, человек, оставивший договор в квартире, может решить исправить ошибку.

Макс тем временем ставит передо мной контейнер с остывшей гречкой. Котлеты там уже нет — он съел её, пока я лежал на полу, и не испытывает раскаяния. Я беру вилку правой рукой. За стеной кто-то закрывает шкаф с реактивами: обычная защёлка должна щёлкнуть один раз, но я насчитываю четыре и на третьем прижимаю большой палец к указательному, удерживая несуществующую пластину. Как устроен замок, я не знаю. Тело всё равно требует проверить.

До шестнадцати часов ему придётся потерпеть. Я пере-

кладываю вилку в левую руку и продолжаю есть, пока Ирина оформляет ориентировку на Арсения Малина, а опечатанный цилиндр на столе остаётся открытым.

Глава 6. Цена заимствования

Сапёр проводит датчиком вдоль деревянной панели уже в третий раз, потом выключает прибор и сообщает, что взрывчатки не обнаружил. Красный светодиод у щели питается от обычной батарейки, провод уходит к контактной группе и, скорее всего, включает сигнализацию при неправильном открытии. «Скорее всего» ему не нравится самому; он снимает перчатку, вытирает лоб и добавляет, что за тайники сумасшедших мастеров по замкам доплачивать должны отдельно. Специалист по электронным системам, сидящий перед панелью на корточках, просит не оскорблять автора до того, как мы поймём схему. За стеной тихо, и Лев Самарин впервые не отвечает щелчком.

Квартира за четыре часа изменилась сильнее, чем тело за сутки. На полу нет мужчины с вытянутой рукой, телефон и нитроспрей упакованы, ключи на стене пересчитаны и промаркированы. Остались прямоугольники контрольных лент, запах порошка для отпечатков и белый контур возле мастерской, который никто не рисовал, но я всё равно вижу место точнее любой разметки. Здесь лежала правая кисть. Здесь кожа на пальцах была стёрта. Отсюда до скрытой панели два шага и ещё один, если не беречь левое колено.

— Температура? — спрашивает Ирина, не отрываясь от журнала осмотра.

— Тридцать пять и шесть.

— Измеряли пятнадцать минут назад.

— За пятнадцать минут человеческая физиология редко меняется настолько, чтобы стать интересной.

Макс поднимает бесконтактный термометр левой рукой. Правая по-прежнему в косынке, на пальцах заметен отёк после вчерашней попытки застегнуть рубашку без посторонней помощи. Он целится мне в лоб, дожидается сигнала и показывает экран Ирине, минуя меня.

— Тридцать пять и четыре. Стала интереснее.

— У прибора погрешность.

— У вас тоже, — говорит Макс.

Ирина записывает цифру на полях, рядом со временем входа. После того как опечатанный цилиндр открылся у неё на глазах, она не стала доверять Протоколу. Она стала протоколировать меня. В прихожей стоят двое оперативников, ещё один дежурит во дворе у балконов; Валентину Петровну попросили провести вечер у сестры. Дверь квартиры заперта на нижний цилиндр изнутри, верхний поворотник открыт, цепочка снята и лежит в пакете. Ирина проверила посты перед подъёмом, затем ещё раз по рации. Денис во мне всё равно знает, сколько шагов до лестницы, где оставлена тяжёлая криминалистическая сумка и кто перекрывает ближайший выход собственным телом.

Специалист снимает декоративную заглушку с первого металлического кружка. Под ней нет скважины — только

гладкое кольцо с подвижной сердцевинкой. Остальные устроены так же. Он пробует повернуть третью по записанной Самариним последовательности. Кольцо уступает на миллиметр и возвращается.

— Четыре цилиндра без ключевых каналов, — говорит он. — Нажим, поворот, возможно, магнит. Может быть общая блокировка. Ошибся на одном — сбросил остальные.

— Просверлить? — спрашивает Ирина.

— Просверлить можно всё. Вопрос, что сработает за панелью. Сапёр говорит, бомбы нет, но уничтожитель бумаги, кислота или термитный шнур его прибору не обязаны нравиться. Если Самарин прятал документы от людей с его же навыком, он предусмотрел грубое вскрытие.

Макс устраивает на верстаке ноутбук и две камеры. Одну направляет на панель, вторую — на вход в мастерскую, чтобы люди не закрывали друг друга. Карта памяти в каждой новая, время синхронизировано. Подключать оборудование к квартире он отказывается: питание от аккумуляторов, запись дублируется на диск в криминалистическом чемодане. После морга доверие Макса к розеткам заметно уступает доверию к удлинителям, которые он принёс сам.

— «Там, где не слышно третий щелчок», — напоминает он. — Может, это не место, а инструкция? Третий поворот должен быть без звука.

— Тогда зачем порядок три-один-четыре-два? — спрашивает специалист.

— Чтобы первым сломать тот, который должен молчать. Я не утверждаю, что Самарин был удобным человеком.

Я подхожу к панели. Вчера она зудела в пальцах, теперь неприятное ощущение начинается раньше, у входа в мастерскую. Большой палец прижимается к указательному, хотя между ними ничего нет. За деревянной облицовкой четыре пружины держат разное усилие. Я не слышу их в буквальном смысле, не знаю диаметра и не могу открыть ни один механизм, но тело требует считать: три, один, четыре, два. Потом сначала, потому что я не уверен, не пропустил ли первый круг.

— Не трогай, — говорит Ирина.

— Я и не трогаю.

— Рука уже поднялась.

Опускаю её и отхожу. По условиям Протокола вспышка телесной памяти длится не больше тридцати секунд. Со вчерашнего утра прошло значительно больше. Значит, это не навык. Только след от него, как боль в ампутированной конечности, которой у меня никогда не было.

В шестнадцать ноль семь рация в прихожей оживает голосом старшего оперативника:

— Ирина Сергеевна, тут техник из управляющей. Говорит, из-за вчерашнего стекла надо обесточить линию.

Данилова смотрит на часы.

— Никого не вызывали. Документы проверьте, в подъезд не пускайте.

— Понял. Пусть ждёт внизу.

Голос звучит обычно: чуть глухо через динамик, с привычным окончанием фразы, которое оперативник проглатывает. Ирина всё равно выходит из мастерской и останавливается у прихожей, не приближаясь к двери. Через несколько секунд на площадке что-то падает. Не тело — звук легче, металлический, будто рация ударяется углом о бетон.

— Пост, ответьте, — говорит Ирина.

Динамик шипит. Потом тот же голос отвечает:

— Всё нормально. Уронил.

Макс уже закрывает крышку ноутбука левой ладонью. Я считаю расстояние: до входной двери семь шагов, до кухни четыре, до балкона ещё пять. Разбитую раму заменили временным щитом, он прикручен шестью саморезами. Пожарный выход существует только в памяти Дениса — через чужой балкон, где сейчас никого не должно быть.

Ирина достаёт пистолет.

— Назовите номер жетона.

За дверью молчат. Специалист по электронике выпрямляется слишком быстро и ударяется затылком о панель. Сапёр берёт чемодан за ручку, не понимая, то ли уходить, то ли использовать его как щит. Рация снова включается, но теперь голос старшего оперативника произносит каждое слово отчётливо, без проглоченного конца:

— Ирина Сергеевна, откройте. Человек задержан.

— Не открывать, — говорит она нам. — В кухню, за ка-

питальную стену. Макс, связь с наружным постом.

Свет гаснет раньше, чем он успевает набрать номер. Ноутбук продолжает запись от аккумулятора, на камерах загораются зелёные индикаторы, из коридора тянется серый аварийный свет. За входной дверью тонко скребёт металл.

Нижний цилиндр закрыт изнутри, ключ оставлен в замке и повернут. Обычный человек снаружи сначала выбил бы дверь или хотя бы выругался. Здесь первая пружина поднимается безошибочно. Я слышу не звук, а чужую уверенность: лёгкое давление, пауза, поворот. Потом ключ на внутренней стороне медленно ползёт из цилиндра. Ирина видит движение и отступает так, чтобы дверь не закрыла ей сектор.

— Полиция! Отойдите от двери! — говорит она.

Ключ падает на пол. Нижний замок открывается.

Полотно не распаивается. Сначала наружная ручка опускается на несколько миллиметров и возвращается, проверяя сопротивление. Два коротких движения, одно длинное. Самарин перед уходом проверял иначе — два нижний, один верхний, — но пальцы с той стороны уже путают его привычку с механизмом.

Ирина стреляет в дверную коробку, когда полотно начинает двигаться. Пуля проходит через дерево на высоте груди, выбивает щепу в подъезд. За дверью никого: Арсений толкнул её длинным металлическим прут, оставаясь сбоку. Прут падает, дверь ударяется о стену, а мужчина входит следом низко, почти на корточках.

Я узнаю его не по фотографии. Первый шаг мягкий, с носка. Второй тяжёлый, с переносом веса вперёд. Правая рука неподвижна возле груди, левая дрожит. На нём серая рабочая куртка без эмблемы, чёрные брюки, тонкие перчатки. Лицо открыто — коротко стриженный мужчина, которого легко забыть через минуту, если не видеть, как в одном теле по очереди размещаются разные люди.

Ирина переводит ствол на него.

— На пол. Руки за голову.

Арсений останавливается у порога. Из подъезда за его спиной видна нога оперативника, лежащего лицом к стене. Крови нет. Возле пальцев мигает рация.

— Он дышит, — произносит Арсений голосом самого оперативника. — Второй внизу тоже. Вы можете проверить, если пропустите меня.

— На пол.

Он поднимает руки. Левая продолжает мелко дрожать, правая остаётся совершенно спокойной.

— Мне нужен первый экземпляр договора Льва Михайловича. Отдадите его, и больше никто сегодня не пострадает.

— Вещественные доказательства хранятся не в квартире.

— Второй экземпляр — да.

Арсений смотрит мимо неё, точно на деревянную панель. Его шея поворачивается раньше плеч, по-хирургически скупно. Потом подбородок опускается, корпус чуть уходит вбок, и стойка становится боксёрской: левая нога впереди, пятка

правой свободна, локти прикрывают рёбра. Не поза человека, который поднял руки по команде. Ирина замечает одновременно со мной.

— Макс, вниз, — говорит она.

Арсений бросается не к пистолету. Он бьёт ладонью по выключателю на стене, хотя электричества уже нет, и оттуда с резким треском вылетает заранее вставленная металлическая пластина. Ирина рефлексивно отворачивает лицо. За эту половину секунды он цепляет дверь ногой и захлопывает её, отрезая лежащего оперативника. Верхний поворотник сам идёт вслед за движением его пальцев — Арсений успевает коснуться накладки только один раз, но засов входит полностью.

Ирина стреляет второй раз. Он уже за её линией: уходит внутрь прихожей, подставляя вместо корпуса висящую на крючке криминалистическую сумку. Пуля рвёт ткань, из дыры сыплются пакеты и пластиковые номерки. Арсений толкает сумку на неё и одновременно коротко бьёт снизу в предплечье. Пистолет остаётся в руке, но ствол уходит к потолку.

Сапёр выставляет перед собой чемодан. Арсений не тратит на него удара — поворачивает чемодан за ребро, вкладывает чужое движение бедра, и взрослого мужчину прижимает к стене его собственной защитой. Специалист по электронике успевает шагнуть в кухню. Макс остаётся у верстака: ноутбук под левой рукой, правая в повязке, между ним и выходом теперь Арсений.

Я хватаю с полки тяжёлый разводной ключ. Денис во мне требует бежать через кухню, вывернуть временный щит на балконе и не оглядываться. Самарин считает запертые двери: входная — один, балкон — два, скрытая панель — четыре механизма, шкаф под верстаком — ещё один. Счёт накладывается на маршрут так плотно, что я на секунду не понимаю, чего боюсь сильнее — закрытого выхода или непроверенного замка.

Арсений смотрит на ключ в моей руке. Угол его рта поднимается знакомой половиной — так улыбался Самарин на записи.

— Вы не боец, Павел Алексеевич.

— Наконец-то объективная оценка.

Я быю не его, а лампу над верстаком. Стекло и пластиковый плафон падают между нами. Арсений закрывает глаза предплечьем, Макс успевает оттолкнуть ноутбук в сторону. Ирина освобождается от сумки и снова поднимает пистолет, но Арсений дёргает меня за халат и ставит перед собой. Металл упирается мне под нижнюю челюсть. Не нож — тонкая отмычка, заточенная с одного края.

— Договор, — говорит он басом из реконструкции. — Или эксперт закончится раньше исследования.

Тихий голос прорывается следом, почти без движения губ:

— Ниже третьего ребра. Он не хочет убивать.

Арсений вздрагивает, будто предупреждение адресовано

не мне. Я опускаю взгляд. Левая сторона его куртки оттопырена узким жёстким футляром. Ирина видит, куда я смотрю, но выстрелить не может: моя голова закрывает центр корпуса, Макс стоит за правым плечом Арсения.

— Первого экземпляра у нас нет, — говорит она. — Самарин спрятал его за панелью. Мы не успели открыть.

Отмычка сильнее давит на кожу. Арсений поворачивает нас к мастерской.

— Откроете сейчас.

— Я не умею.

— Уже умеете. Он оставил достаточно.

У панели Арсений отпускает мой халат, но держит отмычку возле почечной артерии — анатомически неточно, зато убедительно для человека без защиты. Правой ладонью касается третьего металлического круга. Его пальцы меняются на глазах: дрожь исчезает, ногти едва касаются поверхности, подушечка большого пальца дозирует нажим. Третий цилиндр проворачивается. Первый поддается следом. На четвёртом рука внезапно замирает.

— Нет, — шепчет тихий голос.

Арсений давит сильнее. Из панели раздаётся лишний щелчок, красный индикатор вспыхивает, и все четыре кольца возвращаются в исходное положение.

Его лицо на секунду становится растерянным. Украденный навык знает механизм и всё равно отказывается завершать действие. Имя Самарина осталось в теле, а здесь рабо-

тают только его руки без права решать, какую дверь не открывать.

— Он не даёт, — говорю я.

Арсений бьёт меня лбом в затылок. Перед глазами темнеет, во рту появляется железный вкус. Отмычка царапает бок, но не входит глубоко.

— Тогда возьмите сами.

Я прижимаю ладонь к третьему кругу. Холод проходит через дерево быстрее, чем через мёртвую кожу, и белая надпись возникает поперёк панели.

ОСТАТОЧНАЯ МОТОРНАЯ ПАМЯТЬ: ДОСТУПНА.

ПРЕДЕЛ УДЕРЖАНИЯ: 30 СЕКУНД.

ЦЕНА: ЧУЖОЙ ИМПУЛЬС НЕ БУДЕТ ОТЛИЧАТЬСЯ ОТ СОБСТВЕННОГО.

Ниже появляется выбор, которого Протокол раньше не предлагал.

ПРИНЯТЬ НАВЫК?

На размышление он не оставляет времени. Арсений прижимает отмычку сильнее, Макс тянется левой рукой к металлическому штативу, Ирина делает полшага, выбирая угол. Я отвечаю не вслух.

Да.

Правая кисть сводится так резко, что ногти проходят по дереву. Боль есть, но приходит издалека: между суставами помещается чужая рука, на двадцать лет привычнее моей.

Она знает не форму панели, а сопротивление каждого механизма. Третий круг нужно не повернуть, а утопить до ложного щелчка, затем чуть отпустить, удерживая пружину на краю. Настоящего звука не будет — только вибрация в подушечке большого пальца.

00:29.

Я нажимаю. Арсений дёргается, будто прикосновение происходит к его нерву. Отмычка у моего бока уходит глубже на миллиметр.

— Кротов тоже сопротивлялся, — говорит он женским голосом. — Результат известен.

— Денис успел выбрать, кому оставить Протокол.

— Он должен был умереть в клинике. После остановки сердца инструмент вернулся бы в контур. Ваш морг был ошибкой маршрута.

Тихий голос перебивает:

— Не ошибкой. Он шёл к нему.

Арсений стискивает зубы. В реконструкции внутри него спорили движения; сейчас спор становится физическим — правая рука давит отмычкой, левая пытается отвести её от меня. Этого хватает, чтобы Ирина сместилась ещё на шаг.

Первый круг требует поворота против часовой стрелки, хотя резьба и царапины подсказывают обратное. Четвёртый нужно пройти одним движением, не задерживаясь в средней точке. Второй не открывается вовсе: он освобождает остальные, если одновременно снять давление с третьего. Я не раз-

мышляю и не запоминаю. Пальцы делают, голова считает время.

00:18.

Макс опрокидывает штатив. Не на Арсения — между его ногами. Тот инстинктивно переносит вес, отмычка соскальзывает с моего бока, и Ирина бросается вперёд. Арсений толкает меня ей навстречу. Мы сталкиваемся плечами; выстрел уходит в деревянную панель выше металлических кругов. Щепа бьёт по щеке, но рука Самарина не отпускает механизм.

Третий — без звука. Первый. Четвёртый. Второй.

Внутри стены срабатывают четыре тяги. Панель отходит на ладонь и останавливается: Арсений хватает её за край. Из щели пахнет резиной, старой бумагой и табаком. За облицовкой не шкаф, а узкая комната, обитая серым звукопоглощающим материалом. На дальней стене полки, под ними металлическая кассета и маленький катушечный диктофон. Красный индикатор горит — тот самый провод от панели включил запись, когда мы вошли.

На средней полке лежит синяя папка. Арсений отпускает меня и тянется к ней.

Ирина стреляет.

На этот раз он не успевает уйти целиком. Пуля проходит по наружной стороне левого бедра, рвёт брюки и выбивает тёмную каплю на серую обивку. Арсений ударяется о косяк, рука с папкой опускается. На лице появляется простая чело-

веческая боль, но держится меньше секунды. Потом корпус собирается в знакомую стойку: подбородок ниже, плечи свободны, вес на носках. Человек с простреленной ногой перестаёт быть мастером по замкам и становится боксёром.

Ирина держит его на прицеле.

— Папку на пол. Лечь. Медленно.

Он действительно опускает папку, но не выпускает. Поддевает носком упавший штатив и толкает его по полу. Ирина отступает, чтобы металл не зацепил голень. Арсений входит в дистанцию вместе со штативом — короткий шаг, уклон наружу, удар по вооружённой руке снизу. Не размашистый и не особенно сильный; он попадает точно между запястьем и локтем. Пистолет вылетает, скользит под верстак.

Следующий удар Ирина принимает на плечо. Разворачивается вместе с ним, цепляет Арсения за повреждённую ногу, но тот не падает: переносит вес на правую, левой только касается пола. Его локоть проходит у её виска и разбивает бровь о край открытой панели. Кровь сразу заливает глаз.

Я поднимаю разводной ключ. В руке Самарина он кажется чудовищно тяжёлым и бесполезным — ломать замки всегда проще, чем открывать. Арсений видит замах, уходит под него и бьёт меня в рёбра. Не киношно. Кулак входит туда, где после пожара уже болело; воздух заканчивается, колени подгибаются. Я цепляюсь за панель, чтобы не упасть.

00:08.

Денис показывает выход: под верстаком свободно, дальше

кухня, окно. Самарин слышит другой путь — в торце открытой панели есть внутренний фиксатор, который удерживает дверь и не даёт ей захлопнуться на человеке. Большой палец уже находит маленький рычаг. Я не понимаю, хочу ли закрыть Арсения внутри, спасти Ирину или просто завершить механизм. Цена Протокола именно в этом: любой из трёх ответов ощущается моим.

Макс встаёт между ноутбуком и Арсением. Правая рука всё ещё прижата косынкой, левой он держит металлическую стойку от камеры, как копьё. Выглядит нелепо и очень серьёзно.

— Папку положи, — говорит он. — У меня сегодня и так плохой день.

Арсений поворачивает к нему голову. В стойке боксёра появляется лишнее движение — правая стопа готовится к удару по больному плечу. Тихий голос шепчет:

— Не его.

Нога остаётся на полу. Арсений вместо удара дёргает за кабель камеры. Штатив летит на Макса, тот закрывается левой рукой, а правой рефлекторно ловит ноутбук. Боль складывает его пополам. Папка оказывается у Арсения под курткой.

Я нажимаю внутренний фиксатор.

Панель идёт обратно. Её край ударяет Арсения в простреленное бедро и прижимает к косяку. Он рычит уже несколькими голосами сразу. Ирина, вытирая кровь рукавом, хва-

тает его за запястье с отмычкой и выворачивает наружу. На мгновение мы держим его втроём: деревянная дверь на ноге, Ирина на правой руке, я на рычаге. Сапёр выбирается из-за чемодана и наваливается плечом на панель.

00:02.

Арсений смотрит прямо на меня. Его зрачки не меняются, но лицо успевает постареть, стать женским без единой физической перемены, затем пустеет. Последним появляется тот тихий человек, который просил Самарина не открывать.

— Отпустите сейчас, — говорит он. — Иначе он сломает ей шею.

Я не успеваю спросить кто. Навык заканчивается.

В пальцах исчезает сопротивление пружин. Рычаг, который секунду назад был продолжением сухожилия, превращается в кусок металла неизвестного назначения. Я давлю не туда. Панель отходит от ноги Арсения.

Он использует свободу без паузы. Правое запястье проворачивается в захвате Ирины, большой палец находит слабое место между её пальцами — Самарин. Локоть бьёт коротко, под дых — боксёр. Ирина сгибается. Арсений вырывается, плечом отталкивает сапёра и проходит в коридор, заметно волоча левую ногу.

Я пытаюсь догнать. Денис уже построил маршрут, но Самарин заставляет проверить панель: один внутренний фиксатор, четыре круга снаружи, красный индикатор. Я делаю шаг к коридору, возвращаю взгляд к замку и теряю ещё

секунду. Не метафорическую — настоящую, достаточную, чтобы Арсений добрался до входной двери.

Ирина поднимает пистолет из-под верстака. Кровь мешает ей видеть левым глазом, правая рука после удара слушается хуже. Она выходит в прихожую, целится в спину.

— Стоять!

Арсений закрывается криминалистической сумкой и открывает верхний поворотник. Нижний цилиндр поддается отмычке за одно движение. Ирина стреляет, когда он переступает порог. Пуля рвёт рукав серой куртки; попала или нет, не видно. Арсений захлопывает дверь с площадки.

Снаружи раздаются два быстрых металлических звука. Затем один медленный.

Ирина нажимает ручку. Нижний замок закрыт, верхний тоже. Внутренний поворотник вращается вхолостую: квадратный шток чем-то заблокирован с другой стороны. Через дверь слышны тяжёлые шаги вниз, потом голос Ирины командует кому-то на лестнице:

— Оружие убрать! Он в квартире!

Настоящая Ирина ругается и бьёт рукоятью по верхней накладке.

— Это не я! Задержать мужчину в серой куртке! Ранен в левую ногу!

Ответа нет. За дверью вскрикивают, гремят перила. Несколько секунд спустя по рации во дворе докладывают, что неизвестный вышел через служебный проход к трамвай-

ному депо. Наружный пост покинул позицию минуту назад по приказу, переданному голосом Даниловой.

Специалист по электронным системам вытаскивает из чемодана аккумуляторную отвёртку. Сапёр отодвигает его и вставляет плоскую монтировку под внутреннюю накладку. Я стою рядом с разводным ключом, но пальцы больше ничего не слышат. Только считают удары: два по краю, три по винту, один по штоку. На седьмом замок ломается. Мы выходим на площадку слишком поздно.

Оперативник у стены дышит ровно. За правым ухом маленькая красная точка; пульс редкий, но устойчивый. Я поворачиваю его на бок и проверяю зрачки. Следов удара нет. Та же быстрая инъекция, которой отключили охранника в морге, только доза рассчитана оставить живым. Второго находят в электрощитовой между этажами: заперт, избит, в сознании. Арсений вызвал его голосом напарника, затем ответил по рации обоим.

— Скорую сюда и перекрыть квартал, — говорит Ирина. Кровь дошла до подбородка; она вытирает её тыльной стороной ладони и оставляет красную полосу на щеке. — Камеры вокзала, депо, дороги. Больницы предупредить о мужчине с огнестрельным ранением левого бедра. Частные клиники — отдельно.

— «Мнемос» тоже? — спрашивает Макс из мастерской. Голос у него белый от боли.

— К ним группу. Сейчас.

Она начинает спускаться за Арсением, но правая нога подламывается на первой ступени. Я ловлю её за локоть. Ирина вырывается не сразу — сначала переносит вес, убеждается, что может стоять, потом отнимает руку.

— Он ранен. Далеко не уйдёт.

— Его наружный пост видел пять секунд назад. Группа уже идёт. Ты не видишь левым глазом и пропустишь следующий пролёт.

— А ты считаешь дверные петли.

— Четыре на входной. Три у соседки. Это не мешает определить сотрясение.

— Очень убедительно.

Скорая поднимается вместе с подкреплением. На площадке сразу становится тесно от бронежилетов, медицинских сумок и людей, которым приходится объяснять, какой именно голос Ирины настоящий. Фельдшер усаживает её на ступень, промывает рассечение над бровью и проверяет реакцию зрачков. Перелома, вероятно, нет; нужен шов и рентген. Ирина соглашается на повязку, но отказывается ехать до окончания первичных действий. Спорить с ней фельдшер пробует один раз.

Макс сидит у верстака, прижав правую руку к груди поверх косынки. Ноутбук цел, обе камеры продолжают запись. Когда Арсений дёрнул кабель, изображение со второй камеры ушло в потолок, зато первая сняла его лицо, выстрел и кровь на серой обивке. Макс успел запустить передачу на

внешний диск до отключения электричества.

— Пальцы чувствуешь? — спрашиваю я.

Он шевелит ими и морщится.

— Чувствую. Плечо тоже. Особенно плечо. Если скажете «я предупреждал», я уволюсь здоровой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.